
С.Г. Кирдина-Чэндлер

ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ
X- и Y-МАТРИЦ:
НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
И АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ

Москва
Институт экономики РАН
2023

ББК 65.011
УДК 330.88

Кирдина-Чэндлер С.Г. Теория институциональных X- и Y-матриц: новые результаты и актуальные вызовы: Препринт. – М.: Институт экономики РАН, 2023. – 60 с.

В докладе представлены заключительные результаты работы по теме государственного задания «Синтез теорий переключающегося воспроизводства и институциональных матриц: применение к задачам экономической политики» (руководитель – академик РАН В.И. Маевский) за 2021–2023 гг. и определены перспективные исследования по теме государственного задания на 2024–2026 гг. (предварительное название – «Институциональные и воспроизводственные основания экономической политики России по переходу к диверсифицированной экономике развития»), опирающиеся на теорию институциональных X- и Y-матриц. В первой части доклада обосновывается применение этой теории к поставленным задачам. Во второй – излагаются полученные с ее помощью результаты. В заключительной части доклада сформулированы направления дальнейшей работы, обусловленные стоящими перед российской экономикой теоретическими и политическими вызовами.

Ключевые слова: теория институциональных X- и Y-матриц, гетеродоксальная экономика, институты денежного обращения, новый миропорядок, биполярные коалиции.

Классификация JEL: B15, B41, B52, E02, E42, F02.

Kirdina-Chandler S. Theory of Institutional X- and Y-Matrices: New Results and Current Challenges: Preprint. – M.: Institute of Economics, RAS, 2023. – 60 p.

The paper presents some final results of the work on the topic of the state plan "Synthesis of theories of shifting-mode economic reproduction and institutional matrices: application to economic policy tasks" (headed by Academician of the Russian Academy of Sciences Vladimir I. Maevsky) for 2021–2023 and prospects for work on the next topic of the state plan for 2024–2026 (tentatively titled "Institutional and Reproductive Foundations of Russia's Economic Policy for the Transition to a Diversified Development Economy") based on the theory of institutional X- and Y-matrices. In the first part of the paper, the application of this theory to the tasks of topics is substantiated. The second part presents the results obtained with its help. In the final part of the paper, prospects for further work are substantiated in accordance with the theoretical and political challenges facing the development of the economy in Russia.

Keywords: theory of institutional X- and Y-matrices, heterodox economics, institutions of money circulation, new world order, bipolar coalitions.

JEL Classification: B15, B41, B52, E02, E42, F02.

© Кирдина-Чэндлер С.Г., 2023

© Институт экономики РАН, 2023

© Валериус В.Е., дизайн, 2007

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава 1. Теория институциональных X- и Y-матриц как концептуальная основа выполнения государственного задания	7
1.1. Объяснительные возможности теории	7
1.2. Прогностические возможности теории	12
Глава 2. Новые результаты 2021–2023 гг., полученные на основе теории институциональных X- и Y-матриц	20
2.1. Гетеродоксальное направление анализа денег и денежного обращения в экономике	21
2.2. Сравнительный анализ институционализации денежного обращения в СССР и современной России	31
2.3. Институционализация биполярных коалиций	35
2.4. Обоснование и направления синтеза в экономической политике	40
Заключение. Актуальные вызовы и направления дальнейших исследований	46
Литература	49

ВВЕДЕНИЕ

Идеи о том, что в нашем мире — неопределенном, вечно изменчивом и полном неизвестности о будущем — можно выделить некоторые константы и «несущие конструкции», всегда присутствовали в науке. В истории социальной мысли их определяли как цивилизации (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, С. Хантингтон и др.)¹, социально-экономический генотип общества (*Майминас*, 1989), культурные коды (*Панай*, 2008) и т.д. С развитием институционального подхода, сначала в социологии (*Durkheim*, 1893), а позже в экономике (*Veblen*, 1898; *North*, 1990), антропологии (*Polanyi*, 1944) и политологии (*March & Olsen*, 1984), в качестве таких «несущих конструкций» стали рассматривать институты.

В российской культуре, литературе и социальном теоретизировании традиционно присутствуют представления о том, что Россия по своему институциональному устройству отличается и от Запада, и от Востока. На «пересечении» такого рода национального опыта, идей социологического институционализма и марксистского экономического материализма стала развиваться теория институциональных X- и Y-матриц (*Кирдина*, 2000). В ней общество моделируется как саморазвивающаяся структура, формирование которой обеспечивается в ходе постоянного взаимодействия двух институциональных X- и Y-матриц. Каждая из них отличается своеобразием базовых экономических, политических и идеологических институтов. При этом исторически сохраняется доминирование институтов одной из матриц. Предполагается, что в России — это институты

1. Подробнее см.: (*Кирдина-Чэндлер*, 2019. С. 10–12).

X-матрицы (редистрибутивной экономики, унитарно-централизованного политического устройства и коммуитарной идеологии). Институты Y-матрицы (рыночной экономики, федеративно-субсидиарного политического устройства и индивидуалистской идеологии) имеют необходимый, но комплементарный характер, дополняя «до целого» институциональную структуру российского общества (Кирдина, 2014).

Возникновение данной теории в постсоветской России, на наш взгляд, неслучайно. Оно связано с уникальной ситуацией тотального реформирования, которую мы переживали. Во время таких реформ и направленных изменений, активного заимствования и внедрения новых институциональных форм и правил острее проявляют себя основания институциональной структуры, о которые, как о берега, «разбиваются» порой волны реформаторских действий. Как строение дерева становится видимым, когда непогода и ветер срывают с него листву, закрывавшую ветви и ствол, так и «эпохи перемен» показывают нам то, на чем держится общество, выживая в такие лихие времена.

Целями настоящего доклада являются:

- подтверждение целесообразности использования теории институциональных X- и Y-матриц, развиваемой в ходе многолетних исследований, как одной из концептуальных рамок для выполнения нынешней темы государственного задания «Синтез теорий переключающегося воспроизводства и институциональных матриц: применение к задачам экономической политики» (руководитель – академик РАН В.И. Маевский, регистрационный № НИОКТР 121030500099-6);
- демонстрация достигнутых, в том числе и на основе данной теории, новых результатов в рамках темы государственного задания;
- обозначение направлений дальнейших исследований в русле работ по следующей теме государственного задания на 2024–2026 гг. (предварительное название «Институциональные и воспроизводственные основания экономической политики России по переходу к диверсифицированной экономике развития»).

В главе 1 показан потенциал теории институциональных X- и Y-матриц для решения поставленных в рамках темы государственного задания задач. Он опирается на ее объяснительные и прогностические возможности. Глава 2 посвящена описанию новейших результатов по теме государственного задания, полученных в том числе и с опорой на теорию институциональных X- и Y-матриц. Среди них: 1) развитие гетеродоксального подхода к анализу денег и денежного обращения; 2) результаты применения данного подхода в исследовании институционализации денежного обращения в СССР и постсоветской России; 3) выявление процесса институционализации глобальных биполярных коалиций в ходе становления меняющегося мирового порядка; 4) прикладной результат в виде обоснования и направлений синтеза в экономической политике. Внимание к прикладным аспектам теории институциональных X- и Y-матриц обусловлено ориентацией на задачи научного направления «Экономическая политика», в рамках которого наш Центр институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства сейчас работает. Наконец, в развернутом заключении обсуждаются основные вызовы и направления дальнейших исследований по развитию и использованию теории институциональных X- и Y-матриц при выполнении тематики следующего государственного задания.

ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ X- И Y-МАТРИЦ КАК КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ОСНОВА ВЫПОЛНЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО ЗАДАНИЯ

Теория институциональных X- и Y-матриц стала результатом своего рода «институционального предпринимательства» (Qi, 2013), в ходе которого был осуществлен синтез многих известных ранее концепций (подробнее об этом см.: (Кирдина, 2014. С. 34–51; Проволович, 2021. С. 519–520)). Зарубежные знания комбинировались здесь с отечественными разработками и трансформировались в новые теоретические конструкции. Насколько продуктивной оказалась такая «новая комбинация» (по Й.А. Шумпетеру)? Что она дает для выполнения поставленной в государственном задании цели? Напомним, что основная цель состояла в синтезе данной теории и теории переключающегося режима воспроизводства для обоснования направлений экономической политики, учитывающей как особенности страны, так и стоящие перед ней вызовы. Покажем, чем был продиктован выбор теории институциональных X-и Y-матриц как одной из концептуальных рамок для такого исследования. Он связан, на наш взгляд, прежде всего с объяснительными и прогностическими возможностями теории.

1.1. Объяснительные возможности теории

Объяснительные возможности теорий проверяются в ходе их использования. Пожалуй, наиболее очевидным фактом того, используются ли (и как) те или иные теории научным сообществом, являются показатели цитирования. Количественные показатели

свидетельствуют о популярности теорий, показывают, в какой мере они доступны ученым и всем тем, кто интересуется аналогичными темами. Качественный анализ цитирования показывает отношение к теориям и способы их применения: оцениваются ли они позитивно или критически, используются ли в независимых исследованиях и учебных курсах, позволяют ли отвечать на вопросы, которые стоят перед учеными и политиками. Попробуем применить эти критерии к теории институциональных X- и Y-матриц.

Для оценки популярности и доступности данной теории обратимся к количеству цитирований книг, в которых излагались и доказывались ее основные положения (табл. 1). Почему мы решили ограничиться книгами? Как было установлено в исследованиях образцов чтения и цитирования, представители социальных наук, в отличие от ученых-естественников, в ходе обезличенной коммуникации чаще обращаются не к статьям, а книгам: их доля составляла до 52% в списке цитируемых работ в социальных науках, в отличие от 7%, например, в медицине (*Wilson, Tenopir, 2008. P. 1398*). Хотя в последние годы «журнального бума» и «гонки по написанию статей» ситуация меняется, монографии до сих пор остаются наиболее важным источником новых знаний, особенно в области теоретических исследований².

Таблица 1. Показатели цитирования книг по теории институциональных X- и Y-матриц (по состоянию на 5 сентября 2023 г., ед.)

Название книги, место издания	Год издания	Данные elibrary.ru	Данные Google Scholar
Институциональные матрицы и развитие России, Москва	2000	627	1782
Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд.), Новосибирск	2001	662	
X- и Y-экономики: институциональный анализ, Москва	2004	367	619
Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X- и Y-теорию (3-е изд.), Москва-Санкт-Петербург	2014	457	479

2. Неслучайно РАН отстаивала монографии, наряду со статьями, в качестве учитываемого показателя продуктивности своих научных подразделений.

Несмотря на расхождения в приведенных данных по elibrary.ru и Google Scholar, которые связаны с разными технологиями сбора информации, заметен значительный интерес читателей к книгам, посвященным теории институциональных X- и Y-матриц. По данным elibrary.ru, издания 2000 и 2014 гг. входят также в пятерку самых цитируемых книг авторов, работающих (работавших) в Институте экономики РАН³, что говорит об их вкладе в его «научную копилку».

Интерес к теории институциональных X- и Y-матриц носит более-менее стабильный характер. Об этом свидетельствует, в частности, статистика по уровню цитирования книги 2014 г. (рис. 1).

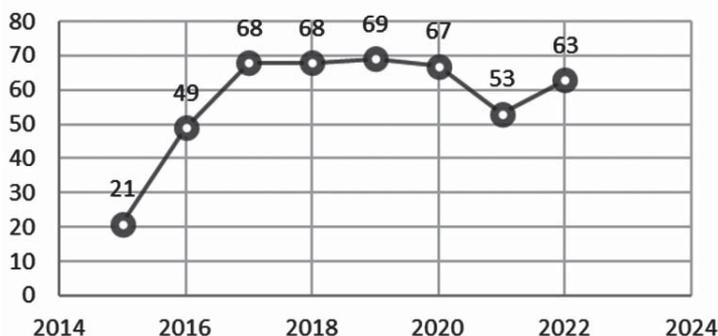

Рис. 1. Количество цитирований книги «Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию» (2014)

Источник: данные elibrary.ru.

Если количественный анализ цитирований показывает лишь «видимость» (*visibility*) тех или иных работ в научном поле, то качественный, или содержательный, дает представление об отношении научного сообщества к тем или иным работам.

В работах, где есть ссылки на теорию институциональных X- и Y-матриц, можно увидеть, как это обычно бывает, противоречивое отношение к ней. В ряде публикаций она была охарактеризована как важное теоретическое достижение (Цой, 2000; Нуреев, 2001; Гавров, 2002; Ядов, 2003; Богуславский, 2004; Николов, 2007; Zweynert, 2008, 2010; Ли Синь, 2009; Нуреев, Латов, 2010; Sandstrom,

3. Книга 2001 г. издана в ИЭиОПП СО РАН и в статистике Института экономики РАН не отражается.

2012; Орехов, 2019 и др.). Ее также включили в десятки учебных курсов университетов России и Беларуси, в социологические словари и энциклопедии (Иванов, 2003).

В то же время рядом ученых теория институциональных X- и Y-матриц не была принята или была принята не полностью. С первых лет начались критические дискуссии по ее поводу – как в нашей стране, так и за рубежом (см., например: (Терин, 2001; Гавров, 2002; Цирель, 2003; Ясин, 2005; Бессонова, 2007; Паин, 2008; Zweynert, 2008, 2010; Мясников, 2016; Hayden, 2017 и др.)). Как правило, высказанная критика была полезной и способствовала, на наш взгляд, улучшению объяснительных возможностей теории. Во-первых, критики обращали внимание на нерешенные в самой теории проблемы. В дальнейшем они постепенно преодолевались, хотя некоторые не устранены до сих пор. Во-вторых, критика выявила непроясненность отдельных положений, которые позже были развиты и представлены в более обоснованном и развернутом виде (см., например: (Kirdina-Chandler, 2017)). Это, видимо, способствовало тому, что со временем критических замечаний становилось меньше. Более того, некоторые критики публично признают справедливость теории институциональных X- и Y-матриц⁴. Тем не менее «работа над ошибками» и актуализацией теории продолжается.

Наилучшими индикаторами объяснительных возможностей теорий служит, на наш взгляд, их использование независимыми авторами в своих работах, а также анализ того, помогают ли они отвечать им на вопросы, которые те ставят в собственных исследованиях.

Если изучить работы со ссылками на теорию институциональных X- и Y-матриц, то можно выделить следующие направления, где ее объяснительные возможности используются чаще всего. В российских и зарубежных исследованиях экономисты применяют эту теорию при анализе политики институционального дизайна экономической деятельности (см., например: (Белоновская, 2010; Nowakowski, 2013; Марача, Беспалов, 2022; Сулейманов, 2022;

4. Так, недавно вышла статья с таким, например, названием: «О наступившей исторической правоте институционально-матричного подхода С.Г. Кирдиной-Чэндлер» (Мясников, 2022).

Ткачук, 2022)), институциональных изменений (см., например: (Соколов, 2013; Dzvinchuk et al., 2020)) и для объяснения различий между группами стран (см., например: (Садовничий и др., 2022; Nenovsky, Marinova, 2023)). Анализ перечисленных и других работ показывает, что для ряда специалистов она является своего рода подходящими «теоретическими линзами», которые дают возможность не только выявлять, но и идентифицировать исследуемые феномены, а также объяснять обнаруживаемые различия и особенности.

На что опираются объяснительные возможности теорий? Как правило, на систему их основных понятий. Действительно, понятия и логика их взаимосвязей позволяют упорядочить наблюдаемые в исследованиях факты и выстроить на их основе объяснительные схемы. Это означает, что теория обычно используется в качестве методологии, т.е. сама по себе является важнейшим методом проводимых научных изысканий. Ценность использования теорий в качестве методологии представляется нам чрезвычайно важной. Ибо, как говорил Лев Ландау, «метод важнее открытия, ибо правильный метод исследования приведет к новым, еще более ценным открытиям»⁵.

Объяснительные возможности теории институциональных X- и Y-матриц также опираются на систему ее основных понятий. Покажем, как это работает, на примере анализа российской истории сразу после распада СССР. Так, в возникшей тогда «транзитологии» этот период был назван «*transition*», т. е. переход. Но переход от чего и к чему? В отношении наших западных соседей по «социалистическому лагерю» содержанием этого перехода было объявлено движение от социализма к капитализму. В отношении России такого консенсусного мнения не сложилось, и спектр оценок и объяснений включал самые разные описания — от организации реформ как реализации заговора извне с целью «погубить» Россию до социальной «либеральной революции», направленной на построение нового сильного государства, основанного на ценностях либерализма. Но с точки зрения рассматриваемой теории этот временной отрезок

5. Бессараб М. Страницы жизни. М.: Московский рабочий, 1971. <http://www/eda-mah.narod.ru/Landau/Dau1971.htm> (дата обращения: 16.09.2023).

объясняется как период «институциональных преобразований». Его содержанием стал поиск институционального баланса между устаревшими и потому обновляемыми формами, соответствующими базовым институтам X-матрицы, и внедряемыми заимствуемыми формами, характерными для Y-матрицы.

Аналогичным образом теория институциональных X- и Y-матриц используется и в работах других авторов для объяснения наблюдаемых процессов. Покажем это на примере двух процитированных выше работ. Так, в работе (Nowakowski, 2013) с помощью данной теории рассматривались факторы, создающие пузыри на рынках недвижимости таких стран, как США, Испания и Польша. Автор обосновывал их появление отсутствием сбалансированного сочетания доминирующих и дополняющих друг друга матриц институтов, подробно анализируя соответствующие им институциональные формы в этих странах. В качестве отечественного примера отметим исследования Г. М. Соколова. На основе анализа федерального законодательства РФ 1990–2012 гг. он показал, как смещался вектор институционального дизайна земельных отношений от внедрения рыночных институциональных форм, соответствующих институтам Y-матрицы, к активной имплементации модернизированных форм редистрибутивных институтов X-матрицы (Соколов, 2013)⁶.

1.2. Прогностические возможности теории

Прогностические возможности теорий определяются качеством прогнозов, которые на их основе делают ученые, которые их применяют. Для этого, помимо знания самой теории, нужны как достаточная дерзость, так и определенная сдержанность. Хотя из определения научной теории следует, что она включает в себя необходимые средства и методы как для объяснения, так и для предсказания тех или других явлений действительности, воспользоваться ими бывает непросто. Сдержанность нужна прежде всего для того, чтобы

6. Рассмотренные примеры показывают, почему объяснительные возможности теорий иногда называют диагностическими. Если на основе научной теории невозможно «диагностировать» ситуацию, то она считается недоопределенной (Underdetermination of Scientific Theory. Stanford Encyclopedia of Philosophy. <https://plato.stanford.edu/entries/scientific-underdetermination/> (дата обращения: 05.09.2023).

понимать, чувствовать поле применимости: любая теория «работает» в рамках принятых исходных предпосылок и уже поэтому имеет ограниченный характер. Кроме того, научная теория должна быть фальсифицируемой (Popper, 1972), т.е. давать предсказания (делать прогнозы), которые можно систематически проверять и подвергать проверкам в ходе эмпирических исследований: она не может быть принципиально непроверяемой.

Прогнозные возможности теорий могут распространяться на: 1) проверку и уточнение их собственных положений и выводов; 2) предсказание результатов экспериментов; 3) заключения об особенностях явлений и процессов за пределами исследуемых теориями областей, но в той или иной мере с ними связанных; 4) предвидение будущих состояний изучаемых в теориях явлений и процессов, что является, на наш взгляд, самым важным прогностическим элементом теорий. По всем этим направлениям прогнозирования можно привести успешные примеры применения теории институциональных X- и Y-матриц.

Первый пример (о проверке и уточнении положений самой теории) касается наиболее, пожалуй, дискутируемого положения данной теории о причинах того, почему в тех или иных странах доминируют институты той или другой матрицы. Опираясь на исследования многих «великих» (от трудов Ш.-Л. Монтескье XVIII в. до работ Э. С. Кульпина 1990-х гг.), мы в данной теории придерживаемся материалистической гипотезы о первичной роли природной среды, определяющей особенности социально-экономического развития⁷. Характеристики территории, которую поколения осваивали в ходе исторического развития государств, на наш взгляд, не могли не повлиять на характер складывавшихся институтов и закрепляемых «социальных технологий». Уточнение этой прогнозной гипотезы потребовало ряда лет и коллективной

7. Дискуссия о том, что «первично» для особенностей социально-экономического развития стран, насчитывает столетия. В начале 2000-х гг. вопрос о том, определяют ли экономическое развитие особенности географической среды или оно зависит от институтов, активно обсуждался среди институционалистов в Национальном бюро экономических исследований (США). Противоположные позиции с предоставлением развернутых эмпирических доказательств отстаивали Дани Родрик с коллегами (Rodrik et al., 2002, 2004) и Джеффри Сакс (Sachs, 2003). Подробный анализ этой дискуссии см.: (Кирдина-Чэндлер, 2016).

работы с 2014 по 2019 гг. (проект РГНФ № 14-02-00422, проект РФФИ № 17-02-00207)⁸.

В проведенных исследованиях на обоснованной выборке из 65 стран по 115 статистическим показателям методами интеллектуального анализа данных была выявлена достоверная связь между параметрами температуры воздуха, уровня осадков и подверженности территории природным катастрофам, с одной стороны, и доминированием институциональной X- или Y-матрицы, с другой (Кирдина и др., 2015; Кирдина-Чэндлер, 2018; Kirdina-Chandler, 2019). Выявленная связь имеет нелинейный характер. Значения некоторых признаков приведены в табл. 2.

Таблица 2. Значения некоторых параметров для выборки стран с доминированием X- и Y-матрицы ($n = 65$)

Параметры	«Холодные» X-страны	Y-страны	«Жаркие» X-страны	Достоверность разбиения (критерий Фишера)
Средняя температура за год, t °C	6,4	9,3	23,1	<0,0001
Минимальная температура за год, t °C	1,0	4,6	17,4	<0,0001
Осадки, мм за год	1100	760	1328	<0,0090
Амплитуда осадков, мм за год	194	52	159	<0,0001
Пострадавшие от стихийных бедствий, %	1,9	0,1	1,3	0,0040

Выявлено, что институты X-матрицы доминируют в тех странах, где значения исследуемых параметров экстремальны, т.е. где или «слишком» холодно, или жарко, или сухо, или влажно, а природные катастрофы происходят чаще. Соответственно, на территориях с относительно мягкими климатическими характеристиками (оптимальные температура воздуха и уровень осадков), а также невысокими рисками природных катастроф, складываются государства с доминированием институциональной Y-матрицы. Прогнозная гипотеза о роли внешней среды в доминировании той или иной матрицы была, тем самым, количественно подтверждена. Распределение выбранных стран в мире представлено на рис. 2.

8. В работе участвовали А.И. Вольнский, А.В. Верников, Е.В. Камко, С.Г. Кирдина-Чэндлер, И.Л. Кирилюк, М.С. Круглова, А.Н. Кузнецова, А.А. Рубинштейн, О.В. Сенько, Г.М. Соколов.

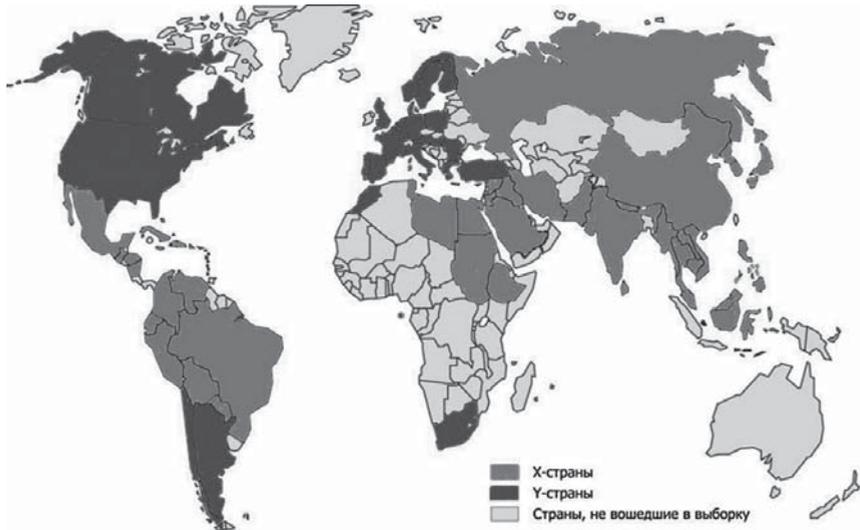

Рис. 2. Распределение стран с доминированием институциональных X-матрицы (X-страны) и Y-матрицы (Y-страны)

Второй пример валидации прогнозных возможностей теории институциональных X- и Y-матриц касается предсказания результатов экспериментов. В таких случаях обычно используется метод конструирования правдоподобных сценариев, успешность которых затем проверяется. Силу прогноза определяют следующие факторы: «Во-первых, успешное описание тех кратковременных процессов, которые мы наблюдаем и можем подробно описать, и, более того, сами организуем и которыми можем управлять. Другие успехи — построение для эволюционных событий удачных сценариев, которые устойчивы к постоянно появляющимся новым фактам, то есть поглощают их, не испытывая существенных изменений» (*Горбань, Хлебопрос, 1988. С. 21*).

В нашем случае речь шла об эксперименте по выбору организационно-правовой формы концерна «Росэнергоатом» — крупнейшей генерирующей компании России в сфере энергетики. Это было связано с началом либерализации энергетического рынка, предусмотренной федеральными законами 2003 г. Институт экономики РАН был привлечен к работе по анализу возможных вариантов с целью рекомендовать руководству концерна наиболее эффективную и реалистичную форму организации его деятельно-

сти в новых условиях⁹. Методологическую основу работы составляла теория институциональных матриц, в особенности раздел об X- и Y-экономиках (подробнее см.: *Кирдина, 2004. С. 188–213*)).

На основе анализа имеющихся правовых возможностей, мирового опыта, особенностей работы концерна и других факторов был сделан прогноз, что наилучшей формой для деятельности концерна может быть «ОАО – Государственная корпорация». Но поскольку форма «государственная корпорация» не была представлена тогда в правовом поле, было предложено «войти в систему федеральных органов исполнительной власти с инициативой разработки специального статуса “ОАО – Государственная корпорация” для концерна “Росэнергоатом», включая пакет специально подготовленных с участием ученых и практиков типовых уставных документов» (там же. С. 210). Предполагалось, что на их основе будет возможно реформирование и других объектов федеральной собственности, что было актуально для этапа российской экономики начала 2000-х гг. Руководство концерна последовало, однако, собственному плану. Он предусматривал акционирование компании с дальнейшей возможностью частичной приватизации.

Тем не менее в 2007 г. был принят Федеральный закон №317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии “Росатом”», и сейчас АО «Концерн Росэнергоатом» входит в электроэнергетический дивизион Госкорпорации «Росатом»¹⁰. Таким образом, был подтвержден сделанный на основании теории институциональных X- и Y-матриц прогноз, что наиболее адекватной организационно-правовой формой для деятельности концерна служит форма государственной корпорации. Более того, дальнейшие экономические преобразования подтвердили целесообразность функционирования и других крупнейших инфраструктурных отраслей России в форме госкорпораций (*Кирдина, 2008*).

Третий пример показывает прогностические возможности теории за пределами исследуемых областей, но так или иначе с ними связанных. В нашем случае был сделан прогноз о роли домини-

9. Работы выполнялись в рамках договора Института экономики РАН об оказании научно-консультационных услуг по теме «Оптимизация организационно-экономической формы и структуры управления Федеральным государственным унитарным предприятием Государственный Концерн “Росэнергоатом”» (научные руководители работы – академики РАН Л.И. Абалкин и Д.С. Львов).

10. <https://www.rosenergoatom.ru/about/>

нирующих институциональных матриц в образовании «языковых констант»¹¹, которые отражают смысл и значение важнейших социальных понятий, т.е. о взаимосвязи между объективными характеристиками матричных институциональных структур тех или иных стран и их «субъективным отражением» в распространенных способах понимания социальной действительности их населением. С этой целью проводилось институционально-лингвистическое исследование смысла слов «общество» и «государство» в языках стран, где доминирует X-матрица (русский, китайский, японский, хинди/санскрит/урду), и стран, где доминирует Y-матрица (английский, французский, немецкий). Подробно методика и результаты исследования представлены в работах (*Кирдина-Чэндлер, Круглова, 2019; Kirdina-Chandler, Kruglova, 2023*). Прогнозируемая связь была подтверждена¹². Более того, была выявлена историческая устойчивость языковых констант: попытки их «переобозначения» в соответствии с иными, обычно заимствуемыми из языков других стран образцами (чаще с Запада на Восток), успеха не имели.

Четвертый пример относится к наиболее важным прогнозным возможностям теорий, а именно — их способности предсказывать будущее развитие изучаемых процессов. В теории институциональных X- и Y-матриц такие прогнозы, в частности, относительно направленности и возможных результатов динамики институциональных изменений, осуществлялись неоднократно. Анализ того, в какой мере они сбылись, представлен, в частности, в работе (*Кирдина, 2014. С. 286–305*). Однако в данном докладе мы рассмотрим прогноз, проверка которого стала объектом исследований в рамках нынешнего государственного задания, подробнее это будет показано в гл. 2 (п. 2.2).

-
11. «...для широкого круга общественных отношений и собственно социального мира характерно постулирование констант, определяющих не только направление развития этих систем, но и существенные черты их организации...» (*Попов, 2013. С. 14*). Такие языковые константы, или «базовые исторические понятия», которые «не существуют вне словесного воплощения» (*Дуринова, 2015. С. 69*), отражают ядро социальной реальности, транслируемое через национальные языки.
 12. В X-странах этимология слова «общество» отражает нисходящую логику преобладания «общего над частным», тогда как в Y-странах — восходящую логику — от отдельных единиц до создания легитимизированного союза. В свою очередь, слово «государство» в языках народов стран X-матрицы имманентно содержит идею значимости верховных структур, в то время как в Y-странах — это лишь некая рамка для устойчивого состояния.

О чем идет речь? В ходе разработки теории институциональных X- и Y-матриц регулярно проводятся сопоставления долей ВВП, производимых странами с доминированием X- и Y-матриц. В выборку включаются страны, производящие 80–90% мирового ВВП, с учетом доступности данных для соответствующих исторических периодов (там же. С. 307–313). Результаты этих сопоставлений представлены на рис. 3.

Во-первых, они показывают волновую динамику долей ВВП, производимых группами X- и Y-стран. Во-вторых, с начала 2000-х гг. было зафиксировано начало повышательной волны в пользу стран, где доминирует институциональная X-матрица, и этот процесс продолжается.

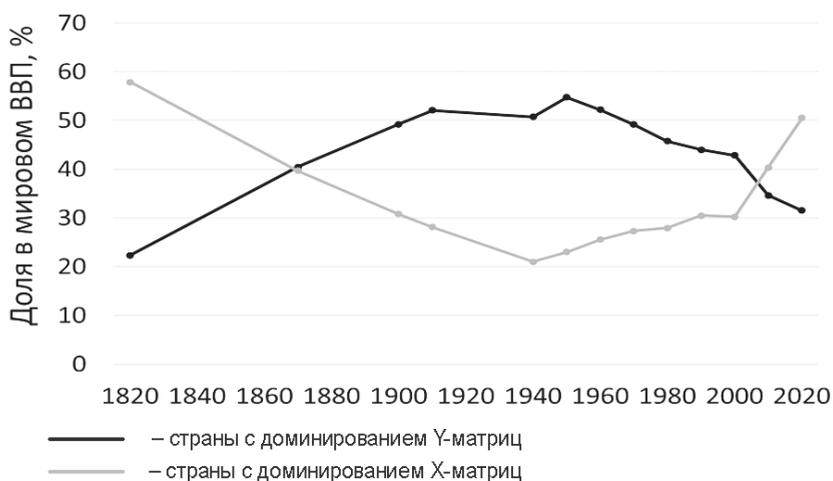

Рис. 3. Сопоставление долей ВВП стран с доминированием X- и Y-матриц в 1820–2020 гг.

Полученные данные хорошо соотносятся с известными представлениями о цикличности развития мировой системы, в которой «полюсы развития» сменяют друг друга (Arrighi, 1994; Frank, 1998; The World System..., 1998; World System History, 2000; Эллман, 2001; Модельски, 2006; Глазьев, 2016 и др.).

В теории институциональных матриц мы назвали это явление *биполярностью*. В отличие от авторов вышеупомянутых и иных работ мы полагаем эту биполярность институционально обуслов-

ленной и стабильной в том смысле, что каждый раз эти полюсы представлены группами стран с доминированием либо X-, либо Y- институциональной матрицы¹³. Другими словами, мы не связываем ее со сменой циклов накопления капитала, как Андре Гундер Франк, Джованни Арриги и С.Ю. Глазьев, или с кондратьевскими волнами, как Джордж Модельски, А.А. Акаев и В.А. Садовничий, или с жизненными циклами капиталистических систем, как Иммануил Валлерстайн и т.д. Основу стабильной институциональной биполярности составляет, на наш взгляд, представленность в мировой цивилизации двух матричных структур, найденных человечеством в ходе его истории и дополняющих друг друга.

Рост доли стран с доминированием X-матрицы в мировом ВВП, а также сложившееся к концу XX в. осознание роли институтов в социально-экономическом развитии позволили высказать следующее предположение: «...биполярность находит свое выражение не только в концентрации материально-технологического потенциала в каждой из групп стран, но и в укреплении и развитии *институциональных структур и связей*. В конечном счете, именно они становятся вехами так называемого «нового мирового порядка», складывающегося на рубеже XX–XXI веков... На одном полюсе этого порядка концентрируются западные страны с доминированием институтов Y-матрицы... На другом полюсе, включающем группы стран с доминированием X-матрицы, идут параллельные процессы» (Кирдина, 2014. С. 315–317). Другими словами, в теории институциональных X- и Y-матриц был сделан сценарный прогноз об укреплении биполярности и ее дальнейшем институциональном оформлении.

Представленные в данной главе объяснительные и прогностические возможности теории институциональных X- и Y-матриц обосновывают, на наш взгляд, ее потенциал, в том числе и для решения поставленных в рамках темы государственного задания задач. В следующей главе покажем, как потенциальные возможности теории, прежде всего в синтезе с теорией переключающегося режима воспроизводства, были реализованы и какие новые результаты были получены.

13. Обычно полюсы в упомянутых выше разработках территориально «перемещаются» и определяются географическими регионами. В нашем случае в полюсах представлены страны из различных регионов и разных континентов, но сами полюса территориально «не перемещаются».

НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ 2021–2023 гг., ПОЛУЧЕННЫЕ НА ОСНОВЕ ТЕОРИИ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ X- И Y-МАТРИЦ

Обоснованность теории институциональных X- и Y-матриц позволила опереться на нее в исследованиях по теме государственного задания 2021–2023 гг. «Синтез теорий переключающегося воспроизводства и институциональных матриц: применение к задачам экономической политики» (рук. темы академик РАН В.И. Мавевский). Наиболее интересные и отличающиеся новизной научные результаты, полученные в 2023 г., состоят в следующем:

- 1) обозначены особенности гетеродоксального направления анализа денег в экономике, особенно в сфере денежного обращения: в этом контексте введено понятие «институты денежного обращения» и обоснована его эвристичность;
- 2) на основе данного подхода обобщены исследования сравнительного анализа институционализации денежного обращения в СССР и постсоветской России. Это позволило сделать осторожный вывод относительно того, что «уроки прошлых лет» по поводу институционального дизайна денежного обращения, в современной России, по-видимому, усвоены;
- 3) подтверждено высказанное ранее прогнозное предположение об углублении процесса институционализации биполярных X- и Y-коалиций, обозначена их роль в становлении нового мирового порядка и изменении вектора международных экономических отношений,

- а также значимость для поддержки социально-экономического развития России. Эти выводы сделаны на основе количественных оценок динамики взаимной торговли между странами в рамках обеих коалиций;
- 4) обоснованы необходимость и направления синтеза в экономической политике. Актуальность этих разработок связана с общими целями научного направления «Экономическая политика», в рамках которого осуществляется деятельность Центра институционально-эволюционной экономики и прикладных проблем воспроизводства.

2.1. Гетеродоксальное направление анализа денег и денежного обращения в экономике

Данное направление сформировалось в результате *теоретического синтеза* теорий переключающегося воспроизводства и институциональных X- и Y-матриц, осуществленного в ходе выполнения темы государственного задания в 2021–2023 гг. Поскольку категория «теоретический синтез» является новой и лишь недавно введена нами в научный оборот (Кирдина-Чэндлер, 2021а, б; 2023б; Синтез..., 2022. С. 14–15, 399–400), имеет смысл пояснить, о чем пойдет речь.

Теоретический синтез как один из существенных моментов развития экономической теории в результате коллективных действий отличается от синтеза как рутинного элемента «научной повседневности» индивидуальной работы¹⁴. Под теоретическим синтезом понимается форма успешной интеграции альтернативных/дополняющих теорий, основанная на достижении «методологического консенсуса» между интегрируемыми теориями и создающая новую концептуальную рамку для развития экономических направлений, исследования новых феноменов и/или решения нерешенных экономических проблем. Методологический консенсус, или «прекращение методологической борьбы» (Вудфорд, 2010. С. 18), означает фикса-

14. Одним из примеров последнего является хорошо известный обзор литературы, предвещающий проведение собственно исследований: «Обзор литературы является отличным способом синтеза исследовательских разработок для того, чтобы представить доказательства на метауровне и выявить области, в которых необходимы дополнительные исследования, что является критическим компонентом создания теоретических рамок и построения концептуальных моделей» (Snyder, 2019. P. 333).

цию общих исходных предпосылок и разделяемых предположений о характере (механизмах) экономических явлений и процессов.

Почему теоретический синтез, если он успешен, позволяет лучше и полнее, чем до интеграции синтезируемых теорий, описывать и понимать определенные экономические явления? Залогом этого служит сбалансированное применение аддитивных и субтрактивных процедур в ходе синтеза. Аддитивность (от *англ.* add – складывать) предполагает интеграцию различных теоретических представлений с целью формирования более полного, т.е. более адекватного реальности предмета исследования. В свою очередь, субтрактивность (от *англ.* subtract – вычитать) означает обоснованный отказ от тех особенностей синтезируемых теорий, которые препятствуют получению более развитого, обогащенного в ходе синтеза теоретического объекта. В результате «на пересечении» теорий удастся сформировать такой объект исследования, который стал полнее, чем при рассмотрении каждой для них в отдельности, но к которому в то же время приложимы знания каждой из теорий.

В нашем случае удалось осуществить синтез теории институциональных X- и Y-матриц и теории переключающегося режима воспроизводства (о ней см.: (Маевский, 2012; Маевский, Малков, Рубинштейн, 2016)). В соответствии с предложенной классификацией видов теоретического синтеза (Синтез..., 2022. С. 15–16, 30–40) в данном случае речь идет о междисциплинарном онтологическом синтезе паритетного типа¹⁵. Он основан на признании наличия фундаментальной связи между системой базовых закономерностей, определяющих переключающийся режим воспроизводства в экономике, и реализацией потенциального множества систем институциональных правил, «оформляющих» переключающийся режим. Поэтому, несмотря на то, что исходно теория институциональных X- и Y-матриц являлась преимущественно структурно-системной, а теория переключающегося режима воспроизводства – динамической, был определен общий предмет исследования, что и обеспечило их синтез. Результатом стало фор-

15. Подробнее об общности онтологического и метаметодологического оснований синтеза указанных теорий см.: (Синтез..., 2022. С. 220–222).

мирование еще одного нового гетеродоксального направления анализа денег в экономике. Его предметом являются денежные механизмы и законы денежного обращения в X- и Y-экономиках, рассматриваемые в динамике.

В 2021–2023 гг. были реализованы два основных проекта. Первый касается моделирования влияния различных эмиссионных (инвестиционно-воспроизводственных) каналов на экономический рост. Это влияние обусловлено эффектом не-нейтральности денег, выявленном на основании гетеродоксального подхода, учитывающего мезоэкономику денежных кругооборотов. Сравнивались каналы поступления денег, характерные для X- и Y-экономик. Эти исследования проводятся в секторе теоретических и прикладных проблем воспроизводства под руководством академика В.И. Маевского, отражены в публикациях коллектива (*Маевский, Малков, Рубинштейн, 2023а, б; Малков, Рубинштейн, 2022; Рубинштейн, 2022* и др.) и освещены в параллельном докладе «Новый мирохозяйственный уклад и макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста».

Второй проект в рамках сформированного гетеродоксального направления анализа денег в экономике посвящен исследованию институционализации денежного обращения. Его результаты также отражены в научных докладах и публикациях (см.: *Kirdina-Chandler, 2021; Kirdina-Chandler, 2021а, Синтез., 2022. Гл. 12; Kirdina-Chandler, 2023а*).

Почему в данном проекте мы решили ограничиться денежным обращением, а не рассуждаем в целом о деньгах или об их движении в целом? Это обусловлено тем, что институты — а именно они предмет нашего исследования — формируются в реальных, т.е. динамично развивающихся обществах. Они представляют собой найденные в ходе человеческой деятельности социальные технологии, направляя определенные процессы в условиях неопределенности, тем самым структурируя общество и его сферы. Диалектика институтов состоит в том, что, будучи по сути структурами, они «живут» в процессах, оформляют их. Поэтому для институционального исследования внимание к денежному обращению (которое представляет собой процесс) более естественно, чем к деньгам вообще. Кроме того, денежное обращение, в отличие от движения денег в целом, является более конкретным и различимым явлением. Это позволяет выйти на эмпирический

анализ действующих в обществе институциональных форм, опосредующих движение денег в экономике, что делает понятие «институты денежного обращения» достаточно эвристичным. Поэтому в наших исследованиях, предполагающих не только теоретические изыскания, но и выход на анализ реальных процессов, предметом исследования служат институты денежного обращения¹⁶. Содержание этого понятия будет раскрыто ниже на основе выделенных нами особенностей развиваемого гетеродоксального подхода к исследованию институтов денежного обращения (см. табл. 3).

Таблица 3. Основные черты гетеродоксального направления в экономике, характерные для анализа институтов денежного обращения

<p>Становление и развитие институтов денежного обращения понимается преимущественно как <i>объективный</i> (а не субъективный) процесс:</p> <p style="text-align: center;"></p> <p>исследуется их роль в поддержании <i>воспроизводительной динамики</i> экономических систем в условиях <i>неопределенности и необратимости</i> экономических процессов</p>	<p>Институты денежного обращения рассматриваются в более широком <i>социальном</i> (а не только экономическом) контексте:</p> <p style="text-align: center;"></p> <p>исследуются <i>социальная укорененность</i> денежных институтов, мера <i>общественного доверия</i> к ним и роль в воспроизводстве <i>социальной стратификации</i> общества</p>
---	--

Источник: составлено автором (подробнее см.: (Кирдина-Чэндлер, 2023а. С. 49–52)).

Первая особенность гетеродоксального подхода заключается в том, что становление институтов денежного обращения рассматривается не как результат субъективных процессов, происходящих из-за непреднамеренных (К. Менгер) или преднамеренных (Ф. Хайек¹⁷) действий людей, а как **объективный**, можно сказать, «вынужденный», процесс, индуцированный самим развитием

16. Этот подход и результаты его использования обсуждались на Международном научном семинаре «Теоретическая экономика» Института экономики РАН и Новой экономической ассоциации 9 июня 2022 г. Автор благодарна его участникам за конструктивный анализ, а также выражает признательность Ю.А. Плущевской за ценные комментарии к первоначальному тексту гл. 2.
17. «... деньги... не являются полностью продуктом культурной эволюции, а скорее своего рода деформированным потомством, которое пострадало из-за того, что ему пришлось пересекать слишком ограниченные <государством> каналы, и чей потенциал, таким образом, был остановлен» (Найек, 1985. Р. 99).

социальных, прежде всего экономических, систем¹⁸. Процессы развития экономических систем характеризуются *динамическим характером, необратимостью и неопределенностью*. Это и определяет потребность становления институтов денежного обращения. Рассмотрим данный тезис подробнее.

Очевидно, что протекающие в социально-экономических системах процессы динамичны и необратимы. У них есть прошлое, настоящее и будущее. Дж. Кейнс был не первым и не последним исследователем, отмечая в этой связи, что «значение денег, по сути, вытекает из того, что они являются связующим звеном между настоящим и будущим» (Keynes, 1973 [1936]. Р. 293). Институты денежного обращения – это структуры, которые создают условия не только для соизмерения и тем самым установления пропорций обмена различных продуктов «здесь и сейчас», как это с подробностями описано в известных схемах, например, обмена пшеницы и железа у К. Маркса. Они обеспечивают условия для необходимого накопления денежных средств, проведения расчетов, сопоставления затрат и результатов экономической деятельности в разные периоды, т.е. создают возможность «обмена текущей стоимости на будущую стоимость» (Лебедев, 2004. С. 70), поддерживая таким образом непрерывное возобновление экономической деятельности. Институты денежного обращения являются социальными технологиями, которые общества выработали для непрерывной «передачи» этой истории, необходимым оформлением системных необратимых процессов¹⁹.

-
18. Развитие понимается как разворачивающийся во времени процесс самоорганизации социально-экономических систем, в ходе которого формируются нормы и структуры их упорядоченного функционирования (Дерябина, 2018. С. 33). Герман Хакен, один из основателей синергетики, называл такие структуры «мезоскопическими переменными», а в качестве примеров приводил, в том числе, структурированные денежные потоки (Хакен, 2014. С. 65–67). Мы называем такие структуры «институтами».
19. На индивидуальном уровне обратимость возможна: легко представить ситуацию, когда предприниматель «все переиграл», отменил бухгалтерские проводки, отказался от существующих обязательств и запустил новые бизнес-процессы в другом месте без оглядки на предыдущие. Для экономических систем это невозможно. Среди конкретных причин необратимых процессов в экономике называют, например, долговечность оборудования, взаимосвязанность элементов в экономической системе, прежде всего, технологий и факторов производства, а также экономию от масштаба и сетевые эффекты (Шульц, Якупова, 2015).

Также для социально-экономических систем характерна неопределенность. Готтфрид фон Хаберлер указывал, например, на следующие факторы неопределенности «в порядке возрастающей «материальности»: «психология», т.е. волны оптимизма и пессимизма; изменения в инвестировании, обусловленные изменениями в доходах или потреблении, как это постулировано в различных вариантах принципа акселерации ...; изобретения, нововведения и силы, вызывающие «кучность» инвестирования, связанного с нововведениями, как это описано Шумпетером; «связанность» инвестиций вследствие долговечности и неделимости капитального оборудования при одновременном наличии асимметричного действия акселератора, волн возмещения основного капитала и «отраженных действий», которые вытекают из фактора долговечности капитальных товаров. Говоря о «кучности» и связанности капитальных вложений, мы не должны забывать о наиболее мощном внешнем факторе нашего современного мира, вызывающем интенсивную концентрацию (а отсюда и неустойчивость) инвестиций, а именно о войнах и подготовке к войне» (Хаберлер, 2016. С. 415)²⁰. Неопределенность в экономике тесным образом связана со становлением денежных институтов: «Если бы в реальном мире не было неопределенности, то денежная система вообще не могла бы существовать!» (Ротбард, 2003. С. 36).

Один из вариантов «работы с неопределенностью» представлен в неоклассических экономических теориях, базирующихся на принципе методологического индивидуализма. Для них со времен Р. Кантильона (XVIII в.) характерно введение в объяснительную схему «предпринимателей-посредников, несущих бремя неопределенности» (Ананьин, 2021. С. 42), т.е. принимающих на свой страх и риск необходимые хозяйственные решения. Таким образом становится возможным объяснить «механизм уравнивания экономической системы» (там же). На это, со ссылкой на концепцию Карла Менгера, также обращают внимание белорусские исследователи А.В. Ковалев и О.С. Пенязь: «В неопределенной среде все экономические риски на себя принимает предприниматель» (Ковалев, Пенязь, 2022. С. 30). Обращение к фигуре предпринима-

20. Книга Г. Хаберлера, изданная на русском языке в 2016 г., впервые была опубликована им в 1937 г.

теля, на которого возложено «бремя неопределенности», является необходимым шагом в основанных на принципе методологического индивидуализма экономических теориях. Без этого, как писал Роберт Лукас, «в ситуации неопределенности экономические рассуждения являются бессмысленными» (Lucas, 1981. P. 224. (Цит. по: (Розмаинский, 2016. С. 36)).

Однако при институциональном подходе с неопределенностью в экономической системе «справляются» не предприниматели, а, прежде всего, формирующиеся институты денежного обращения. Как любой институт²¹, они исторически формировались с целью уменьшения неопределенности совместной (в данном случае экономической) деятельности, чтобы создавать определенные ожидания по поводу будущего у ее участников, структурируя экономические процессы. Также они обеспечивают принуждение к исполнению денежных обязательств участниками экономической деятельности (*enforcement*), особенно по отношению к будущим обязательствам²², а также контроль и гарантии их исполнения. Целям снижения экономической неопределенности служат и заложенные в институтах денежного обращения санкции, направленные на блокировку процессов, угрожающих целостности экономической системы и нормальному течению ее процессов. Среди них – банкротство²³, процедуры списания долгов, исключения из реестров, объявления дефолтов и т.д.

В неопределенных и неравновесных ситуациях именно институты, как полагал Карл Полаanyi, являются главными организаторами экономических процессов (Polanyi, 1977). Поэтому институты денежного обращения понимаются не столько как ограничители экономического поведения (как это характерно для ортодоксаль-

-
21. «Институты уменьшают неопределенность, структурируя повседневную жизнь» (Норт, 1997. С. 18); «Институциональные структуры в целом представляют собой способ управления поведением агентов, тем самым уменьшая неопределенность будущего» (Ekstedt, 2014. P. 183).
 22. Схожего подхода придерживаются посткейнсианцы, например, С. Руссис, Ф. Карвальо и др., которые понимают денежную экономику прежде всего как систему поддержки бесперебойного функционирования форвардных контрактов (Розмаинский, 2016. С. 39).
 23. Банкротство, в отличие от дефолта, который может предшествовать ему и означает невозможность выплаты внешних долгов (по векселям, облигациям, банковским кредитам, чекам, закладным) точно в срок – это неспособность погасить обязательства (включая внутренние обязательства компании, например, по заработной плате).

ной, в том числе неинституциональной, экономической теории), но и как его «направляющие», которые включают каналы и правила движения денег, в соответствии с которыми в экономике организуется взаимосвязанное (*coherent*) поведение ее участников (Ekstedt, 2014. Р. 179), поддерживающее развитие социально-экономической системы. Как и любые другие институты, они представляют собой «безличностный механизм, независимый от суждений конкретных людей, который координирует индивидуальные усилия» (Hayek, 1960. Р. 4), и по мере исторического развития «обезличенный характер... все больше выходит на первый план» (Веблен, 2006 [1898]. С. 16). Обезличенные институты денежного обращения «обеспечивают инфраструктуру для координации» (Говтвань, 2020. С. 60; Ricks, 2018) действий разнородных экономических субъектов на всех уровнях социально-экономической системы.

Вторая особенность гетеродоксального подхода к анализу институтов денежного обращения состоит в рассмотрении их не только в экономическом, но и в более широком **социальном контексте**. Принимается во внимание их *социальная укорененность*, *общественное доверие* к ним и роль для *воспроизводства социальной стратификации в обществе*. Рассмотрим эти особенности подробнее.

Социальная укорененность, или встроенность²⁴, предполагает взаимосвязь экономических институтов с более широкой системой неэкономических связей и институтов — от религиозных до политических. Ранее Поланьи предполагал, что данное явление свойственно лишь традиционным нерыночным экономикам, где экономика еще не является специфической и обособленной сферой, а встроена в более широкую систему общественных и культурных связей. Однако позже Марк Грановеттер показал, что это характерно и для рыночных экономик, основанных на обмене. В современных экономиках институты также встроены в системы социальных отношений. Как экономические агенты «не ведут себя и не принимают решений как атомы вне социального контекста» (Granovetter, 1985. Р. 487), так и экономические институты возникают и развиваются

24. Термин «*embeddedness*» (укорененность, встроенность) был введен экономическим историком и антропологом Карлом Поланьи (Polanyi, 1977) и затем развит экономическим социологом Марком Грановеттером (Granovetter, 1985).

ся в системе институтов, регулирующих различные сферы общественной жизни, связаны с ними и зачастую определяются ими. Институты денежного обращения также не могут быть рационализированы только исходя из их собственной логики и в отрыве от других общественных феноменов.

Одновременно при гетеродоксальном подходе очевидно, что деятельность институтов денежного обращения, как и всего, что относится к функционированию денег, тесно связана с доверием членов общества к ним²⁵. «Надежность делает денежные инструменты средством обращения..., как и общественное признание» (*Ekstedt*, 2014. Р. 256). Еще Карл Менгер отмечал, что «чем больше находится людей, готовых исполнять институт (принимать предмет в качестве денег), тем выше оказываются выгоды от его применения и тем быстрее начинает расти число его “пользователей”» (*Капелюшников*, 2006. С. 210). Поэтому при рассмотрении разных форм институционализации денежного обращения принимаются во внимание различия, которые определяются в том числе и «разной степенью и механизмами формирования доверия» (*Nenovsky*, 2007. Р. 3).

Наконец, отметим связь институтов денежного обращения с воспроизводством социально-стратификационной структуры общества, т.е. со структурой социальных неравенств. Критериями социального неравенства выступают (еще со времен Т. Веблена) различия в доходах, власти, образовании и престиже²⁶. Институты денежного обращения значимы для каждого из этих критериев. Так, они очевидно участвуют в формировании дохода. Например, отмечается, что чем «прибыльнее» формы денег [M0, ... MZM], тем все более сокращающимся числом агентов они используются, и этот доступ задается определенной институциональной структурой: для некоторых групп людей до сих пор лишь наличные деньги являются единственным возможным средством платежа» (*Ekstedt*, 2014. Р. 256). Институты денежного обращения также являются элементом «инфраструктуры власти» (*Mann*, 1986), так как «рабо-

25. «Деньги могут работать только в том случае, если они приняты обществом» (*Ekstedt*, 2014. Р. 268), или «деньги являются деньгами просто потому, что каждый и все остальные верят в то, что это деньги» (*Iwai*, 2009. Р. 24).

26. www.вокабула.рф/энциклопедии/социологическая-энциклопедия/социальная-стратификация

тают» в пользу определенных социальных групп (зачастую элит), они закрепляют и поддерживают в обществе характерные для них «режимы неравенства» (выражение Т. Пикетти) в соответствии с принятыми идеологическими доктринами. Анализ разнообразия «политико-идеологического репертуара» экономических нарративов крупнейших стран мира²⁷ Пикетти представил в своем новом бестселлере «Капитал и идеология» (*Piketty, 2020*). Он показывает, в частности, как институты денежного обращения могут направлять денежные потоки в пользу разных групп населения. Отметим также, что система институтов денежного обращения может перенаправлять денежные потоки не только внутри общества, но и между странами (*Хюльсман, 2003. С. 123*)²⁸.

Эти и многие другие работы, связывающие особенности системы институтов денежного обращения с действием политических и идеологических институтов, поддерживают нашу гипотезу, что данные институты могут отличаться в обществах с доминированием либо X-, либо Y-матрицы, несмотря на схожесть задач в воспроизводстве социально-экономической системы как таковой.

Опираясь на особенности продемонстрированного гетеродоксального подхода, определим теперь институты денежного обращения, которые стали объектом изучения при выполнении темы государственного задания. *Институты денежного обращения представляют собой поддержанную обществом взаимосвязанную структуру каналов, организаций, правил и денежных инструментов; ее функционал²⁹ состоит в том, чтобы обеспечивать необходимые объемы и движение денег для расширенного воспроизводства социально-экономической системы с целью обеспечения ее суверенности и сохранения экономико-политико-идеологической целостности в условиях неопределенности и внешних вызовов.*

27. Колесников А. 2021. Капитал и идеология: Тома Пикетти. 2 марта. <https://smart-lab.ru/blog/680807.php>

28. Известным примером является объявление доллара мировой валютой и появление основанной на нем системы международных расчетов.

29. В данном контексте функционал означает функциональность, совокупность взаимосвязанных функций.

2.2. Сравнительный анализ институционализации денежного обращения в СССР и современной России

На основе представленного гетеродоксального подхода и положений теории институциональных X- и Y-матриц были обобщены результаты проведенного ранее сравнительного исследования институтов денежного обращения в СССР и современной России³⁰. Каждый из этих периодов означал новую эпоху в отечественной истории. Поэтому сопоставление хода институционализации денежного обращения в эти времена позволяет выделить как закономерности, так и особенности изучаемого процесса.

И та, и другая эпоха начинались в условиях разбалансировки институтов денежного обращения, которые не выполняли своего функционала по обеспечению необходимых объемов и каналов движения денег для расширенного воспроизводства социально-экономической системы, поэтому они требовали обновления. Исследование показало, что и в СССР, и в постсоветской России становление необходимых институтов проходило через одни и те же этапы, что можно считать закономерностью. Мы назвали эти этапы «переходными» и «стабилизирующими». Они отличаются своим институциональным содержанием.

Сначала на переходном этапе идет активный «перебор» различных институтов денежного обращения — преимущественно заимствуемых из практики «передовых» западных стран, — которые внедряются в экономическую жизнь обновляемого общества. В СССР он пришелся на период нэпа — 1920-е гг., а в постсоветской России — на 1990-е гг. В эти времена наблюдались рост числа и мощности частных коммерческих банков, в том числе с привлечением иностранного капитала, изменялось соотношение между частным и государственным банковским сектором в пользу первого, получали распространение концессии и системы коммерческого кредита на всех уровнях и т.д. Общность внедряемых новаций состояла в том, что они представляли собой, как правило, институты рыноч-

30. Детали проведенного исследования, включая отсылку к специализированной литературе, анализ документов, статистические сопоставления, кейсы и описание систем институтов денежного обращения представлены в (Кирдина-Чэндлер, 2021а).

ной экономики³¹ Y-матрицы, которые в российской истории обычно были не основными, но комплементарными. В ходе их массового внедрения одновременно происходила отбраковка, фильтрация и коррекция институтов денежного обращения с точки зрения того, обеспечивают ли они необходимый функционал.

Со временем насыщение сферы денежного обращения заимствованными институтами достигало своего критического предела, и переходный этап заканчивался. Причины «сворачивания» (официально декларируемые или нет) таких активных рыночных преобразований оказались схожими. Важнейшими из них, помимо неблагоприятных социальных последствий, были, во-первых, неспособность формируемой системы институтов денежного обращения обеспечить необходимые каналы и объемы инвестиций для модернизации и социально-экономического развития страны, и, во-вторых, возрастающие угрозы потери суверенности страны, прежде всего в экономической и финансовой сферах³².

После переходных начинаются этапы восстановления и развертывания институтов, характерных для редистрибутивной X-экономики. Это не было «движением назад», так как эти институты приобретали обновленные формы, встраиваясь в меняющуюся (в соответствии с вызовами времени) экономическую структуру. Мы назвали эти этапы «стабилизирующими». Во-первых, наблюдалась стабилизация системы денежного обращения, которая получила свое характерное институциональное оформление. Во-вторых, обновленная система институтов денежного обращения более надежно выполняла свой основной функционал, и это способствовало закреплению ее институционального дизайна.

Каковы наиболее существенные особенности стабилизирующих этапов? Их отличает укрепление роли государства в банковской системе и централизация системы денежных институтов,

31. Точнее было бы сказать «институциональные формы, соответствующие институтам...», но для краткости будем писать «институты». О соотношении понятий «институты» и «институциональные формы» см.: (Кирдина, 2014. С. 51–59).

32. Маркерами этой ситуации в годы нэпа стали невозможность обеспечения необходимой индустриализации страны, рост безработицы среди городского населения и торговый дисбаланс между городом и деревней. В современной России таким маркером был экономический кризис 1998 г., который сопровождался девальвацией национальной валюты и техническим дефолтом по исполнению государственных обязательств.

уменьшение доли независимых частных коммерческих банков по сравнению с теми, что контролируются государством (в СССР она уменьшилась практически до нуля). Активизируется оформление государственных институтов денежного обращения для обеспечения расширенного воспроизводства экономики: в СССР это выражалось в институционально-организационном обособлении сферы капитальных вложений через использование так называемых безналичных рублей и систему специализированных банков финансирования и долгосрочного кредитования капитальных вложений, а в современной России речь идет о спонсируемых государством «институтах развития», открытии специальных счетов предприятий в Казначействе РФ³³ для участия в реализации государственных программ и т.д. Характерной чертой стабилизирующих этапов является также глубокое встраивание институтов денежного обращения в систему важнейших экономических и политических институтов страны. Если на переходных этапах институты денежного обращения носили, можно сказать, «отвязанный характер» и «работали» не столько на страну, сколько на интересы отдельных социальных групп или отраслей, то на этапах стабилизации они все больше становятся имманентным звеном социально-экономического устройства в целом. Так, в СССР институты денежного обращения были, по сути, внутренним элементом системы планового народного хозяйства: «Безналичная эмиссия Государственного банка (кредитный план страны) базировалась на показателях народнохозяйственного плана и бюджета государства, а наличная эмиссия – на планах по росту производительности труда и розничному товарообороту» (Денежное обращение в СССР..., 2011. С. 19). В современной России процесс все большего встраивания институтов денежного обращения в систему важнейших социальных и экономических институтов происходит на наших глазах. Так, на недавно состоявшемся очередном заседании Совета по стратегическому развитию и национальным проектам 22 августа 2023 г. под руководством Президента РФ обсуждались вопросы дальнейшего углубления

33. Если предприятие не имеет счета в Казначействе, оно не может быть получателем бюджетных средств. Создание «казначейских счетов» означает, таким образом, организацию специализированного канала направления покупательной способности денег (о которой писал Шумпетер) на общественные нужды.

координации Правительства и Центробанка с привлечением обеих палат Федерального собрания в сфере денежного обращения для цели «активнее использовать имеющиеся инструменты, донстраивать их с учетом объективной ситуации»³⁴.

Помимо общности, отметим и институциональные различия стабилизирующих этапов в СССР и в современной России. В советский период в системе институтов денежного обращения стали тотально доминировать институты X-матрицы. Внедрение необходимых комплементарных институтов Y-матрицы началось в СССР, пожалуй, слишком поздно – в 1988–1991 гг., т.е. фактически накануне его распада (*Кирдина-Чэндлер, 2021а. С. 15–16*). В современной России стабилизирующий период продолжается уже более 25 лет. Его особенностью является то, что все это время идет постоянный поиск институционального баланса и синтеза доминантных X-институтов и комплементарных Y-институтов в системе денежного обращения, чего не было в СССР.

Выявленное различие институционального дизайна моделей денежного обращения в СССР и современной России позволяет сделать оптимистичные выводы. В соответствии с положениями теории институциональных X- и Y-матриц, которые нашли подтверждение в эмпирических исследованиях, тотальное доминирование тех или иных институциональных форм в экономической структуре государства ведет к ее стагнации и появлению необходимых комплементарных форм в теневой сфере, а это, в свою очередь, – к разбалансировке основных экономических пропорций (что показал, например, опыт СССР). Поэтому так важна нынешняя представленность X- и Y-институтов в системе денежного обращения в современной России. Это позволяет сделать осторожный позитивный прогноз относительно способности этой системы и в дальнейшем обеспечивать необходимый для развития нашей страны функционал.

В результате можно сделать вывод, что основанный на теории институциональных X- и Y-матриц гетеродоксальный подход к анализу институтов денежного обращения, является достаточно перспективным. Исследования в этом направлении целесообразно продолжить.

34. <http://kremlin.ru/events/president/news/72084/videos>

2.3. Институционализация биполярных коалиций

Любая современная экономика является открытой, действующей в глобальной социально-экономической и политической системе, к тому же постоянно меняющейся. Очень популярен в последние годы подход к определению глобальных изменений в терминах различных кризисов. С 2022 г. даже распространяется термин «поликризис», введенный в оборот группой канадских исследователей (*Lawrence, Janzwood, Homer-Dixon, 2022*). При этом общность этих разнообразных кризисов, как отмечают специалисты, состоит в том числе и в их неэкономической природе (*Акиндинова и др., 2022*). Поэтому на нынешнем этапе особенности мирового порядка и происходящие социальные и политические изменения все больше привлекают внимание экономистов³⁵. Одним из таких изменений является процесс институционализации глобальных биполярных коалиций, предположения о котором были высказаны ранее (*Кирдина, 2014. С. 315–317*).

Первые результаты исследования биполярных коалиций опубликованы в (*Кирдина-Чэндлер, 2022*) и уже обсуждаются на российских и международных конференциях³⁶. В докладе в дополнение к ним будут представлены некоторые новые эмпирические данные.

В научных и политических дискуссиях о перспективном мироустройстве рассматриваются, как известно, следующие варианты: бесполосный мир, однополярный мир, многополярный и бипо-

-
35. Так, этой теме был посвящен проведенный Институтом экономики РАН совместно с МГУ им. М.В. Ломоносова и Международным НИИ проблем управления XV Пушкинский симпозиум по эволюционной экономике «Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика» (г. Звенигород, 26–27 мая 2023 г.). https://inecon.org/docs/2023/Program_Conference_20230525-27.pdf
36. *Кирдина-Чэндлер С.Г.* «Биполярные коалиции как экономическая и политическая основа нового мирового порядка», XV Пушкинский симпозиум по эволюционной экономике «Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика» (25–27 мая 2023 г., Звенигород Московской области); *Кирдина-Чэндлер С.Г.* «Становление глобальных биполярных коалиций как ответ на современные вызовы». Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Человек и общество в контексте современности» (15 марта 2023 г., РУДН, г. Москва); *Kirdina-Chandler S.* «From Global Economy to Bipolar Economy» and «The Formation of a Bipolar World with a New Anti-Capitalist Coalition?», ISA World Congress of Sociology (June 25 – July 1, 2023, Melbourne, Australia); *Kirdina-Chandler S.* ««Globalisation and Sovereignty in the 2020s: The Peak of Contradictions?» AFEE at AEA conference (January 5–8, 2023, New Orleans, Louisiana, the US).

лярный (подробнее см.: (Кирдина-Чэндлер, 2022. С. 8–9)). При этом биполярность зачастую понимается как противостояние двух государств – США и Китая. Однако, опираясь на теорию институциональных X- и Y-матриц, мы можем различить институционализацию *межстрановых биполярных коалиций*. Этот процесс только начинает исследоваться в научной литературе.

Под биполярными коалициями понимаются добровольные объединения стран, отличающиеся как составом участников, так и заявляемыми целями и отражающие два полюса миропорядка. При этом страны каждой из коалиций, несмотря на культурное, социально-экономическое, демографическое, историческое и иное многообразие, обладают общими характеристиками матричного институционального устройства, т.е. доминированием институтов X- или Y-матрицы. Эта «институциональная похожесть» выступает в качестве «силы тяготения» при образовании каждой из коалиций, даже если это не всегда осознается. Начнем с анализа так называемой X-коалиции (табл. 4).

Таблица 4. Динамика состава международных организаций ШОС, БРИКС и СНГ в 2001 и 2022 гг.

Международные организации	2001 количество (состав)	2022 количество (состав)
ШОС	6 (страны-члены Россия, Китай, Казахстан, Таджикистан, Киргизия, Узбекистан)	21 (8 стран-членов: Индия, Казахстан, Киргизия, Китай, Пакистан, Россия, Таджикистан, Узбекистан, 4 страны-наблюдателя: Афганистан, Белоруссия, Иран, Монголия, 9 партнеров по диалогу: Азербайджан, Армения, Египет, Камбоджа, Катар, Непал, Саудовская Аравия, Турция, Шри-Ланка)
БРИКС	4 (Бразилия, Россия, Индия, Китай)	5 (Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южно-Африканская республика)
СНГ	10 (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Грузия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан)	10 (Азербайджан, Армения, Белоруссия, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Россия, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения – как член-наблюдатель)
Итого (с учетом пересечений)	13	26 (+23 заявки)

Источники: данные сайтов sectsco.org; infobrics.org; cis.minsk.by; расчеты автора.

Выявленные нами коалиции собираются в «клубах» определенных международных организаций. Так, X-коалиция западных стран – это клуб организаций ШОС (институциональное оформление – 2001 г., с 1996 г. до 2001 г. – «Шанхайская пятерка»), БРИКС (2006 г.) и СНГ (1991 г.). Страновой состав членства этих организаций все больше пересекается. Общность повестки стран X-коалиции была зафиксирована в 2020 г., когда впервые был апробирован формат ШОС+, в котором участвовали страны ШОС, СНГ и БРИКС. Этот процесс продолжается: 16 сентября 2022 г. в г. Самарканде прошло еще одно заседание «ШОС в расширенном масштабе».

Посмотрим на Y-коалицию и состав образующих ее стран (табл. 5).

Таблица 5. Динамика состава международных организаций НАТО и Евросоюза в 2001 и 2022 гг.

Международные организации	2001 количество (состав)	2022 количество (состав)
НАТО	19 (США, Канада, Исландия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Италия, Португалия, Греция, Турция, Германия, Испания, Венгрия, Польша, Чехия)	31 (США, Канада, Исландия, Великобритания, Франция, Бельгия, Нидерланды, Люксембург, Норвегия, Дания, Италия, Португалия, Греция, Турция, Германия, Испания, Венгрия, Польша, Чехия, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Словакия, Словения, Эстония, Хорватия, Албания, Черногория, Северная Македония, Финляндия)
Евросоюз	15 (Бельгия, Великобритания, Франция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Португалия, Австрия, Финляндия, Швеция)	27 (Бельгия, Франция, Италия, Люксембург, Нидерланды, Германия, Греция, Дания, Ирландия, Испания, Португалия, Австрия, Финляндия, Швеция, Кипр, Чехия, Эстония, Венгрия, Латвия, Литва, Мальта, Польша, Словакия, Словения, Хорватия, Болгария, Румыния)
Итого (с учетом пересечений)	23	36 (+4 заявки)

Источники: данные сайтов <http://europa.eu>; nato.int; расчеты автора.

Y-коалиция западных стран включает те, которые состоят в другом «клубе» организаций. Он объединяет НАТО (действует с 1949 г.) и Евросоюз (1993 г.). Страновые составы этих международных организаций также сильно пересекаются.

Кроме того, страны каждой из коалиций вступают и в другие объединения друг с другом на постоянной или ситуативной основе. Так, страны Y-коалиции, которая начала оформляться почти на полвека ранее X-коалиции, представлены в G7; в 2014 г. они стали лидерами международной коалиции Global Coalition to Counter the Islamic State of Iraq and the Levant (ISIL) для действия в Сирии (объединяла 60 стран во главе с США), с 2022 г. известны анти-российская коалиция, сформированная на базе «Рамштайн» (до 40 стран), и др.

Таким образом, в коалициях формируются различные форматы взаимодействия, укрепляющие их институциональное единство. Наиболее важным индикатором, однако, следует считать развитие экономических отношений между входящими в коалиции странами.

Для оценки силы экономических связей внутри каждой из коалиций был проведен анализ динамики их взаимной внешней торговли. На данном этапе мы ограничились выборочной статистикой по четырем крупнейшим странам в каждой из коалиций. Они производят от 75 до 83% суммарного ВВП каждой коалиции, что позволяет считать эту выборку достаточно представительной. В выборку включены такие страны X-коалиции, как Бразилия, Индия, Китай и Россия. В выборке стран Y-коалиции представлены Великобритания, Германия, США и Франция (рис. 4).

Рис. 4. Сравнительный анализ темпов роста ВВП и объемов взаимной торговли в выборке стран X- и Y-коалиций в 2010–2022 г. (%)

Источники: data.worldbank.org. <https://wits.worldbank.org/countrystats.aspx?lang=en> (2010–2020); oec.world (2021). <https://tradingeconomics.com> (2022); расчеты автора.

За основу сравнения мы взяли темпы роста показателей взаимной внешней торговли (в ценах экспорта) на фоне роста ВВП относительно уровня 2010 г. — он принят за 100%.

Расположение соответствующих диаграмм в одном ряду наглядно показывает гораздо более активную динамику в укреплении взаимных торговых связей между странами X-коалиции по сравнению со странами Y-коалиции. Особенно ярко эти различия проявляются на фоне роста показателей ВВП. Действительно, в странах X-коалиции динамика взаимной внешней торговли существенно опережает темпы роста производимого ими ВВП: если он суммарно возрос лишь в 2,2 раза, то показатели взаимной торговли — в 2,87 раза. Другими словами, эти страны все более ориентируются друг на друга в экономической деятельности.

Обратная тенденция зафиксирована для стран Y-коалиции — при росте их ВВП в 1,65 раза объем взаимной торговли увеличился лишь в 1,3 раза. Это означает, что выбранные страны относительно уменьшают объем взаимных экономических связей, измеряемых в объемах взаимной торговли.

На основании выявленной динамики исследуемых показателей можно высказать осторожную гипотезу, что в экономическом отношении X-коалиция будет становиться все более консолидированной, тогда как Y-коалиция — более «рыхлой». Проверка этой гипотезы, в том числе с привлечением данных о финансовых, демографических и иных межстрановых потоках, составляет задачу перспективных исследований.

В России отмеченная тенденция роста взаимной торговли со странами X-коалиции выражена еще более отчетливо, особенно на фоне ее уменьшения с выборочными странами Y-коалиции (табл. 6).

Действительно, если страны X-коалиции за период с 2010 г. увеличили торговлю между собой в 2,87 раза, то для России рост торговли с этими странами составил 3,31 раза. В то же время упал в относительном выражении объем российской торговли со странами Y-коалиции — он увеличился в 1,21 раза при том, что рост ВВП нашей страны за этот же период возрос в 1,35 раза (в текущих долл. США).

Значение рассматриваемых биполярных коалиций состоит в том, что их укрепление, если оно продолжится, позволит снижать риски региональных и глобальных конфликтов, создавая более

Таблица 6. Динамика внешнеторгового оборота России с крупнейшими странами X- и Y-коалиций в 2010–2022 гг. (в ценах экспорта)

Страны	2010	2015		2020		2021		2022	
	млрд долл.	млрд долл.	2015/ 2010	млрд долл.	2020/ 2010	млрд долл.	2021/ 2010	млрд долл.	2022/ 2010
Бразилия, Индия, Китай (X)	72,1	75,2	1,04	117,3	1,62	167,9	2,33	238,5*	3,31*
Великобритания, Германия, Франция, США (Y)	96,0	71,6	0,75	105,5	1,10	140,2	1,46	116,4**	1,21**

* <https://oec.world/en/profile/bilateral-country/fra/partner/rus>

** предварительная оценка по данным МИД, газеты «Ведомости». https://london.mid.ru/ru/countries/bilateral-relations/ekonomicheskoe_sotrudnichestvo/

стабильные условия для международного экономического развития. Представляется, что на их основе, как ожидалось, сформируются «крупные субъекты мировой политики с собственными геополитическими проектами, глобальными подходами и сопоставимыми по ряду параметров ресурсами...», что позволит миру покинуть зону «большой дестабилизации»» (Громыко, 2017. С. 61–62)³⁷.

2.4. Обоснование и направления синтеза в экономической политике

Идея о необходимости синтеза в экономической политике возникла в результате работ по *теоретическому* синтезу в рамках темы государственного задания 2021–2023 гг. Несмотря на то, что теория и практика в экономике не всегда идут «рука об руку», связь между ними экономистами признается. Большую книгу об этом под названием «Economic Policy: Principles and Design» написал первый лауреат Нобелевской премии по экономике Ян Тинберген (Tinbergen, 1956). Его работа положила начало признанию решающей роли достижений экономической теории и математических моделей, разрабатываемых экономистами-теоретиками, для изуче-

37. В этой связи отметим значение коалиций в новейших российских военно-теоретических разработках, в частности в концепции, названной в англоязычных источниках как «война нового поколения», или New Generation Warfare (Derleth, 2020. P. 91). На Западе предполагают, что в ее основе лежит «доктрина Герасимова» (Sinclair, 2016; Герасимов, 2013), которая предусматривает достижение политических или военных результатов, не прибегая к явным обычным военным средствам, хотя последнее не исключено. Она предполагает соотношение невоенных и военных действий как 4:1, и на первом месте среди невоенных стоит «формирование коалиций и союзов».

ния сценариев развития и обоснования мер необходимой экономической политики (об этом см. также: (Hansen, 1963)).

Можно назвать немало таких моделей, особенно любимых политиками. В нашей стране во времена СССР это были модели межотраслевого баланса, в том числе динамические (Н.И. Ведута, Н.Ф. Шатилов и др.), на основе которых разрабатывались более сложные межотраслевые модели и модельные комплексы, например, оптимизационные межрегиональные межотраслевые (А.Г. Гранберг, В.И. Суслов, С.А. Суспицын и др.). Такие модели использовались в прогнозных расчетах и частично входили в технологию народнохозяйственного планирования.

В нынешних странах с рыночной экономикой наиболее распространены являются модели DSGE (динамические стохастические модели общего равновесия). Предполагается, что основная задача, стоящая перед политиками, состоит в том, чтобы оценить эффект различных сил, действующих в разных сферах экономики, и «модели динамического стохастического общего равновесия (DSGE) – это ведущая основа, которую имеют макроэкономисты для решения этой проблемы открытым и прозрачным способом» (Christiano et al., 2018. P. 2). Несмотря на продолжающуюся критику этих моделей по разным направлениям, начиная с методологической критики микрооснований (Korinek, 2017; Stiglitz, 2018) и заканчивая тем, что они не отличаются по точности прогнозирования от обычных авторегрессионных моделей, например, VAR или BVAR (Малаховская, 2016), они сохраняют свои позиции в анализе денежно-кредитной и бюджетной политики. Их сторонники отмечают, что «модели DSGE в настоящее время имеют мало претендентов на замену их в качестве основных моделей в политическом процессе... что улучшенные модели DSGE – модифицированные с учетом уроков недавнего кризиса – останутся рабочим инструментом во многих политических институтах в течение длительного времени» (Lindé, 2018).

Однако скорость структурных изменений и рост неопределенности в экономике, которые в условиях геополитической нестабильности только возрастают, стали дополнительным вызовом для экономической теории и резко снизили ее возможности обеспечить экономическую политику релевантными моделями (Gaffard, 2021).

Экономическая политика все более рассматривается как слабо прогнозируемый процесс, зависящий от внеэкономических факторов, а также столкновения разнонаправленных интересов различных акторов (Корхонен, 2021). Одним из решений проблемы представлялась опора на теорию игр или теорию конфликтов (принятия решений). Такой вариант был предложен в «новой теории экономической политики» итальянских авторов (Acocella et al., 2011), развивающих данный инструментарий. Однако в силу сложности построения и информационного обеспечения данных моделей они не получили широкого распространения в экономической практике.

Другим решением проблемы сложности и неопределенности в экономике представляется учет социологических, политологических, институциональных факторов, влияющих на экономическую политику (Корхонен, 2021), что определяет «необходимость синтеза дисциплинарного знания для принятия управленческих решений» (Григорьева, Чубарова, 2020. С. 172). Речь идет о синтезе различных предложений, поступающих от разных специалистов, сочетание которых призвано обеспечить достижение поставленной цели.

В отечественной истории времен СССР уже предпринималась подобная попытка. Она известна как разработка СОФЭ – системы оптимального функционирования экономики (Федоренко, 1968, 1980). В ней предполагался синтез административных и экономико-математических методов, основанных на применении средств вычислительной техники и связи, и опирающийся на системные представления об экономике, что позволило бы органам управления министерств и ведомств осуществлять оптимальное управление народным хозяйством. «По сути дела, СОФЭ впервые в мировой экономической истории поставила вопрос о внедрении искусственного интеллекта в экономику, поскольку над программированием СОФЭ стали работать не только экономисты и математики, но и филологи, психологи, историки и т.д.» (Титов и др., 2022. С. 200). Однако организация эффективного сочетания нередко противоречивых предложений и инструментов экономической политики, т. е. обеспечение их реального синтеза – это и по сей день трудно решаемая наукой задача; это скорее искусство, когда результат зависит от множества привнесенных факторов, которые не были приняты

во внимание на стадии разработки политических решений. СОФЭ в свое время не смогла справиться с этими вызовами.

С тех пор вопросы необходимости синтеза в экономической политике, на наш взгляд, серьезно не поднимались. В вышедшей в 2022 г. монографии «Синтез в экономической теории и экономической политике», пожалуй, впервые было обращено внимание на эти проблемы. В ней также впервые было дано определение синтеза в экономической политике (следующее той же логике определения теоретического синтеза, или синтеза в экономической теории, представленного в п. 2.1.): «Под синтезом в экономической политике мы понимаем достижение такой взаимодополнительности предлагаемых и реализуемых мер, которые, несмотря на определенную противоположность и, казалось бы, почти несовместимость, используются вместе и совокупно позволяют эффективнее достичь поставленных экономических целей. Эффективнее в сравнении с тем, если применять эти разнонаправленные меры, инструменты и способы порознь. Повторим, речь идет о своего рода дополнительности мероприятий экономической политики, позволяющей достичь синергетического эффекта. Синтез в экономической политике имеет инструментальный характер и выражается в том, что находятся формы сочетания альтернативных мер или методов, применяются комбинации альтернативных институтов» (Синтез..., 2022. С. 401).

Одним из важнейших направлений такого синтеза³⁸ мы полагаем оптимальную комбинацию мер, форм и инструментов, отражающих природу институтов X- и Y-матрицы. Другими словами, речь идет о «направленном синтезе» альтернативных X- и Y-институциональных форм, баланс которых, с одной стороны, соответствует матричной природе российского общества (с доминированием институтов X-матрицы), а с другой — определяется стоящими перед экономикой вызовами (что влияет на пропорцию необходимых дополнительных институциональных форм, соответствующих Y-матрице).

38. Очевидно, что видение синтеза, также как и состав синтезируемых мер и инструментов экономической политики, определяется характером и направленностью экономических теорий, которые «закладываются» в его основу. Соответственно, эти видения могут быть различными для разных групп экономистов.

В более ранних работах мы описывали примеры успешного со-действия институтов X- и Y-экономики для стран с доминированием X-матрицы. Среди них – опыт послевоенной Японии, где «было найдено удачное и эффективное сочетание плановых начал с преимуществами рыночной экономики» (Кирдина, 2014. С. 328), социалистического строительства в современном Китае, где под руководством Китайской компартии и контролем китайского правительства внедряются новые институциональные формы Y-матрицы по всех сферах общественной жизни (Институциональный анализ китайской модели..., 2010). Подробно разобрался и пример противоположного рода, когда в экономику США целенаправленно внедрялись X-институты с целью компенсации ослабленного действия доминантных Y-институтов – речь шла о «Новом курсе» Рузвельта 1933–1934 гг. (Кирдина, 2014. С. 329–330).

Также были начаты работы в области моделирования экономических систем, где взаимодействуют институты X- и Y-экономик (Кирдина, Малков, 2008, 2010; Феномен возрастающей отдачи..., 2013). Полученные результаты макроэкономического моделирования продемонстрировали условия формирования рыночных (Y) и редистрибутивных (X) экономических институтов в связи с соотношением отраслей убывающей и возрастающей отдачи. В частности, было показано, что при значительной доле в составе экономики отраслей с возрастающей отдачей необходимы институты централизованного регулирования X-экономики и соответствующая экономическая политика по стимулированию производства (а не спроса) для предотвращения коллапса экономики и стабилизации макроэкономических показателей.

В этом году была представлена теоретическая модель механизма обеспечения эффективности государственных управленческих решений, основанная на синтезе X- и Y-институциональных форм (Эффективность государственных управленческих решений..., 2023. С. 30–42). Она представляет собой описание процедур оценки выделенных параметров «институциональной эффективности» как на стадии подготовки, так и оценки стратегических государственных решений, опирающихся на экспертный метод качественных оценок. После отработки данной процедуры в ходе пилотных проектов, а также «дальнейшего накопления базы данных экспертных

оценок может быть осуществлен переход от качественного экспертного оценивания к формализованным компьютеризированным технологиям» (там же. С. 41)³⁹. Очевидно, что подобная работа потребует немало времени и ресурсов.

Более конкретные направления такого синтеза в экономической политике с опорой на результаты математического моделирования были представлены в рамках выполнения нынешней плановой темы государственного задания. Они касаются различных вариантов эмиссионной политики в области инвестиций и ее влияния на экономический рост. На основе синтеза теорий переключающегося режима воспроизводства и теории институциональных X- и Y-матриц, реализованного в сценарных модельных расчетах, были обоснованы рекомендации о необходимости сочетания двух каналов поступления инвестиций в экономику. Один из них назван «инвестиционным» – он характерен для экономических институтов X-матрицы, другой – «потребительским» – типичен для экономических институтов Y-матрицы. С помощью расчетов было обосновано, что сочетание двух исследованных каналов поступления денег в реальный сектор необходимо для оптимизации их рисков и преимуществ в достижении устойчивого экономического роста (Синтез..., 2022. С. 232–236).

Дальнейшая формализация синтеза институциональных X- и Y-форм и инструментов в экономической политике, прежде всего в сфере институтов денежного обращения, предполагает как более углубленный содержательный анализ особенностей проводимых мероприятий в этой сфере, так и развитие математического инструментария моделирования экономических систем. Некоторые направления дальнейшей работы по развитию теории институциональных X- и Y-матриц с целью ответов на этот и другие актуальные вызовы обсуждаются в заключительной части доклада.

39. Предполагается, что компьютерные технологии оценки «институциональной эффективности» могут стать частью цифровой инфраструктуры государственного управления, предусмотренной распоряжением Правительства РФ от 22 октября 2021 г. № 2998-р «Об утверждении стратегического направления в области цифровой трансформации государственного управления», которые должны быть созданы до 2030 г. (Эффективность государственных управленческих решений..., 2023. С. 22–23).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ. АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ И НАПРАВЛЕНИЯ ДАЛЬНЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Дальнейшие направления исследований в области теории институциональных X- и Y-матриц определяются рядом вызовов, которые находятся «на пересечении» задач, требующих одновременного решения

Во-первых, в самой теории есть нерешенные вопросы. Наиболее существенные из них, на мой взгляд, касаются двух моментов. Один из них – это дальнейшее уточнение методики выделения стран с доминированием либо X-, либо Y-матрицы. Другой – развитие методических процедур, облегчающих использование теории в прикладном аспекте, в том числе для оценки мероприятий экономической политики.

Во-вторых, важной задачей является постоянная актуализация теории, т.е. применение ее положений и понятийного аппарата к анализу наиболее важных возникающих феноменов и проблем. Примером такой актуализации стало, например, исследование биполярных коалиций, которые развиваются в современных условиях изменения мирового порядка с повышенной скоростью, особенно в последние 2–3 года.

Наконец, в-третьих (последнее по списку, но не по значению – *last but not least*), развитие теории должно обеспечить условия для эффективного выполнения государственного задания на 2024–2026 гг. со следующей предварительной формулировкой его темы: «Институциональные и воспроизводственные основания экономической политики России по переходу к диверсифицированной

экономике развития». Заявленная цель этого исследования состоит в том, чтобы предложить и апробировать институциональные и воспроизводственные методы и модели, которые будут стимулировать формирование диверсифицированной устойчивой экономики России, способной к тому же эффективно интегрироваться в мировое хозяйство в меняющихся внешних условиях.

Вырисовываются, соответственно, следующие направления дальнейшей работы для ответов на эти актуальные вызовы.

Первое направление предполагает **диалектический анализ X- и Y-институтов**. Как известно, все имеет (как минимум), две стороны, и часто «недостатки являются продолжением достоинств». Очевидно, что базовые институты, формирующие структуры X- и Y-матрицы, обладают необходимыми достоинствами, т.е. подтвержденной в ходе истории функциональностью. Однако объективная полезность тех или иных институтов не означает, что не существует рисков нарушения их функциональности. Это может происходить либо в силу субъективных особенностей их «использования» в определенные исторические периоды внутри страны, либо в результате внешнего давления, либо в силу недостаточной сдерживающей роли комплементарных институтов и т.д. Известны, например, регулярные *экономические кризисы недопроизводства* в государствах с доминированием институтов X-матрицы и *экономические кризисы перепроизводства* в странах с доминированием институтов Y-матрицы. Причины и тех, и других коренятся в самой природе экономических институтов каждой из матриц. Поэтому их диалектический анализ позволит предвидеть возможные противоречия в ходе реализации каждого из институтов. Как писал Д. Норт, институциональная матрица определяет потенциал выгоды для тех, кто назначает или меняет правила (North, 1993), поэтому знание сильных и слабых сторон образующих ее институтов может оказаться полезным. Предпочтение будет отдаваться анализу институтов, связанных со сферой денежного обращения.

Второе направление связано с первым и предполагает опору на его результаты, но технически, по-видимому, является более сложным. Речь идет о **необходимости формализации** как самой теории институциональных X- и Y-матриц, так и базирующихся на ее положениях схемах институционального анализа. Сложность

состоит в том, что работа в этом направлении невозможна без кооперации со специалистами-математиками, что требует определенных организационных усилий. Как отмечалось выше, попытки формализации в теории институциональных X- и Y-матриц предпринимались неоднократно. Рефлексия по их поводу показала, что успешность попыток формального математического моделирования определяется четкостью постановки задачи и обоснованной формулировкой проверки гипотез. Так было в упомянутом выше случае выявления роли отдачи факторов производства для особенностей институциональной самоорганизации экономики или при сопоставлении влияния различных каналов инвестирования на экономический рост. С учетом данного опыта предполагается сконцентрироваться на формализации X- и Y-институтов функционирования денежной сферы.

Третье направление обусловлено продолжением работы по институционализации денежного обращения, начатой в 2021–2023 гг., но с учетом новой ситуации в сфере международных связей России. Предполагается уделить особое внимание исследованию **глобальных денежных институтов**, а именно – институционализации денежного обращения во взаимодействиях между странами внутри биполярных X- и Y-коалиций, особенно в первой, куда входит Россия. Оптика данного анализа также будет настроена на выявление форм, в которых проявляется специфика институтов X- и Y-матриц, и политику их оптимального синтеза.

ЛИТЕРАТУРА

- Акиндинова Н.В., Бессонов В.А., Пухов С.Г., Сафонов И.Н., Смирнов С.В. Инфляционные вызовы периода пандемии и санкций. Уроки для будущего // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 5–25.
- Ананьин О.И. Генезис экономической науки: историко-научный контекст. Доклад. М.: ИЭ РАН, 2021.
- Белонувская А.М. Оценка значимости кооперативов (артелей) в современной хозяйственной практике // Экономический журнал. 2010. № 2. С. 91–97.
- Бессонова О.Э. Феномен теории институциональных матриц: реставрация устаревшей парадигмы // Экономическая наука современной России. 2007. Т. 37. № 2. С. 23–33.
- Богуславский В.Н. Институциональные матрицы и социальная психология (размышления над книгой С.Г. Кирдиной «X- и Y- экономики: Институциональный анализ» (М.: Наука, 2004)) // Terra Economicus. 2004. Т. 2. № 4. С. 156–159.
- Веблен Т. Почему экономическая наука не является эволюционной дисциплиной / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ – ВШЭ, 2006 [1898]. С. 10–32.
- Вудфорд М. Сближение взглядов в макроэкономике: элементы нового синтеза // Вопросы экономики. 2010. №10. С. 17–30.
- Гавров С. Социокультурная традиция и модернизация российского общества. М.: МГУКИ, 2002.
- Герасимов В. В. Ценность науки в предвидении // Военно-промышленный курьер: еженедельная газета. 2013. 27 февр. https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html
- Глазьев С.Ю. Мирохозяйственные уклады в глобальном экономическом развитии // Экономика и математические методы. 2016. Т. 52. № 2. С. 3–29.
- Говтвань О.Д. Подход к формированию альтернативной теории денег // Экономика. Налоги. Право. 2020. Т. 13. № 5. С. 54–61.

- Горбань А.Н., Хлебопрос Р.Г. Демон Дарвина. Идея оптимальности и естественный отбор. М.: Наука (Гл. ред. физ.-мат. литературы), 1988.
- Григорьева Н.С., Чубарова Т.В. Междисциплинарность в теории и на практике: пример социальной политики // *Общественные науки и современность*. 2020. №3. С. 166–178.
- Громыко Ал.А. Глобальная (не)безопасность: национальные интересы России / *Глобальный мир: системные сдвиги, вызовы и контуры будущего*. СПб.: СПбГУП, 2017. С. 59–63.
- Денежное обращение в СССР в 1986–1991 годах (ведомственные материалы). По страницам архивных фондов Центрального банка Российской Федерации. Вып. 12. М.: Центральный банк Российской Федерации, 2011.
- Дерябина М.А. Методологические основания исследования мезоуровня экономики как сложной системы // *Journal of Institutional Studies*. 2018. Т. 10. № 3. С. 30–39.
- Дуринова Г. Темпоральная семантика слова «общество» (XI – первая треть XIX века) // *Социологическое обозрение*. 2015. Т. 14. № 1. С. 68–104.
- Иванов Н.В. Новосибирская социологическая школа (НСШ) // *Социологическая энциклопедия*. Т. 2. М.: Мысль, 2003. С. 59.
- Институциональный анализ китайской модели: теоретическая дискуссия и прогноз / Под ред. С.Г. Кирдиной, Л.И. Кондрашовой // *Вестник научной информации*. 2010. № 3.
- Капелюшников Р. QWERTY против DSK: методологические заметки на полях дискуссии / *Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса*. М: ГУ – ВШЭ, 2006.С. 208–227.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. М.: ТЕИС, 2000.
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России (2-е изд., испр. и доп.), Новосибирск: Наука, 2001.
- Кирдина С.Г. X- и Y-экономики: институциональный анализ. М.: Наука, 2004.
- Кирдина С.Г. Российские госкорпорации – ответ на глобальные экономические вызовы / *Глобализация: мифы и реальность. Материалы Международной научно-практической конференции, 20 ноября 2008 г. Тюмень: ТГАМЭУП, 2008.*
- Кирдина С.Г. Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию (3-е изд., перераб., расш. и иллюстр). М.; СПб.: Нестор-История, 2014.

- Кирдина С.Г.* Роль институтов и географии в экономическом развитии: актуальная полемика в гетеродоксальной экономике // *Пространственная экономика*. 2016. № 3. С. 133–150.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* Западные и не-западные институциональные модели во времени и пространстве // *Вопросы теоретической экономики*. 2018. № 1. С. 73–88.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* К самоопределению российского общества: в поисках системы координат // *Мир России*. 2019. Т. 28. № 2. С. 6–24.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* Новая «старая» институционализация денежного обращения в постсоветской России // *Journal of Institutional Studies*. 2021а. Т. 13. № 4. С. 6–24.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* Парадоксы синтеза в экономической теории // *Terra Economicus*. 2021б. Т. 19. № 3. С. 37–52.
- Кирдина-Чэндлер С. Г.* Однополярность, многополярность и биполярные коалиции. XXI век // *Социологические исследования*. 2022. № 10. С. 3–16.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* Институционализация денежного обращения: гетеродоксальный анализ // *Terra Economicus*. 2023а. Т. 21. № 3. С. 45–57.
- Кирдина-Чэндлер С.Г.* Синтез и плюрализм в экономической теории: альтернативные тренды? / *Сегментация экономической науки и проблемы синтеза: Сб. материалов IV Октябрьской международной научной конференции по проблемам теоретической экономики* / Под общей ред. А.А. Мальцева, О.А. Славинской. СПб.: Алетейя. 2023б (в печати).
- Кирдина С.Г., Кузнецова А.Н., Сенько О. В.* Климат и институциональные матрицы: межстрановой анализ // *Социологические исследования*. № 9. 2015. С. 3–13.
- Кирдина С.Г., Малков С.Ю.* Моделирование самоорганизации экономики отраслей с повышающимися и понижающимися предельными издержками // «Эволюционная теория, теория самовоспроизводства и экономическое развитие». Материалы 7-го международного симпозиума по эволюционной экономике, 14–15 сентября 2007, г. Пущино, Московская область. / Отв. ред. В. И. Маевский, С. Г. Кирдина. М.: ИЭ РАН, 2008.
- Кирдина С.Г., Малков С.Ю.* Два механизма самоорганизации экономики: модельная и эмпирическая верификация. Научный доклад. М.: ИЭ РАН, 2010.
- Кирдина-Чэндлер С. Г., Круглова М. С.* «Общество», «государство» и институциональные матрицы: опыт междисциплинарного мезоанализа // *Социологические исследования*. 2019. № 10. С. 15–26.
- Ковалев А.В., Пенязь О.С.* Эффект сопряжения институтов в концепции Карла Менгера // *Terra Economicus*. 2022. Т. 20. № 1. С. 27–37.

- Коландер Д. Экономическая наука нового тысячелетия: как она нашла свой путь и каков он? / Истоки. Из опыта изучения экономики как структуры и процесса. М.: ГУ – ВШЭ, 2000. С. 381–399.
- Корхонен И. Почему экономическая политика расходится с теорией. Выступление на заседании Клуба экономической политики НИУ ВШЭ, 30 сент. 2021 г. <http://econs.online/articles/economika/pochemu-econoicheskaya-politika-raskhoditsya-steriey> (дата обращения: 04.10.2022).
- Лебедев А.В. Финансовые инновации как фактор возможной дестабилизации экономики: теория Хаймана Мински // Финансы: теория и практика. 2004. № 4. С. 68–78.
- Ли Синь. Сравнительный институциональный анализ экономической трансформации. Изд-во «Фуданский университет», 2009. (на кит. яз). <http://www.fudanpress.com/news/showdetail.asp?bookid=5915>
- Маевский В. И. О переключающемся режиме воспроизводства // *Terra Economicus*. 2012. Т. 10. № 1. С. 11–19.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Новая теория воспроизводства капитала: развитие и практическое применение. М.; СПб.: Нестор История, 2016.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: опыт X-экономики Китая // Вопросы экономики. 2023.а №10. С. 98–123.
- Маевский В.И., Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Макроэкономические условия перехода России к высоким темпам роста: уроки экономики Китая (препринт). М.: ИЭ РАН, 2023б (в печати).
- Малаховская О.А. Использование моделей DSGE для прогнозирования: есть ли перспектива? // Вопросы экономики. 2016. № 12. С. 129–146.
- Малков С.Ю., Рубинштейн А.А. Моделирование кредитной эмиссии в растущей экономике: долгосрочные эффекты и эксцессы // *AlterEconomics*. 2022. Т. 19. № 1. С. 185–200.
- Майминас Е.З. Социально-экономический генотип общества / Постижение. М.: Прогресс, 1989. С. 93–113.
- Марача В.Г., Беспалов С.В. Модель «цифрового госплана» как российский ответ на кризис капитализма / Самарские чтения (в память об академике А.А. Самарском). Материалы международной конференции. М.: Изд-во «Янус-К». 2022. С. 151–153.
- Модельски Дж. Глобальная политическая эволюция, длинные циклы и К-волны Кондратьева, опасность войн и сохранение мира. Амстердам: ИОС Пресс, 2006.
- Мясников А.Г. Нужно ли отказаться от гражданского общества? // Социологические исследования. 2016. № 3. С. 141–148.

- Мясников А.Г. О наступившей исторической правоте институционально-матричного подхода С.Г. Кирдиной-Чэндлер // Социологические исследования. 2022. № 10. С. 170–173.
- Николов И. Информацията. Информационен подход в икономическата теория. София: Университетско издателство «Стопанство», 2007. (на болг. языке).
- Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Начала, 1997.
- Нуреев Р. М. Социальные субъекты постсоветской России: история и современность // Мир России. 2001. № 3. С. 3–66.
- Нуреев Р.М., Латов Ю.В. Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития). Калининград: Изд-во Российского гос. ун-та им. И. Канта, 2010.
- Орехов А.М. «Когнитивный стиль» российской социально-гуманитарной науки: обгон невозможен, но возможно опережение? // Социум и власть. 2019. Т. 77. № 3. С. 7–14.
- Пайн Э.И. Традиции и квазитрадиции: о природе российской «исторической колеи». Публичные лекции ПОЛИТ.РУ 2008. <http://www.polit.ru/lectures/2008/06/26/pain.html>
- Попов Е.А. Язык социальности – конструкт эпохи или науки? // Социологические исследования. 2013. № 5. С. 12–18.
- Пролович Т.О. Новейшие примеры междисциплинарного синтеза в экономике // Журнал экономической теории. 2021. Т. 18. № 4. С. 512–525.
- Ранай К. Культурный код. Как мы живем, что покупаем и почему. Пер с англ. М.: Альпина Бизнес Букс, 2008.
- Розманский И.В. Посткейнсианцы и Дуглас Норт о неопределенности и институтах: пропущенная связь? // Journal of Institutional Studies. 2016. Т. 8. № 3. С. 35–59.
- Романова Л. Как за год изменилась внешняя торговля России // Ведомости. 2023. 14 марта <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/03/14/966321-kak-izmenilas-vneshnyaya-torgovlya-rossii>
- Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2003.
- Рубинштейн А.А. Не-нейтральность денег в контексте синтеза институциональной теории и теории воспроизводства // Вестник Института экономики РАН. 2022. № 5. С. 7–22.
- Садовничий В.А., Акаев А.А., Ильин И.В., Малков С.Ю., Гринин Л.Е., Кортаев А.В. Тренды развития мир-системы с позиции макроисторического подхода: краткий анализ // История и современность. 2022. Т. 44. № 2. С. 124–138.

- Синтез в экономической теории и экономической политике. Колл. монография / Под общей ред. В.И. Маевского и С.Г. Кирдиной-Чэндлер. М.: ИЭ РАН, 2022.
- Соколов Г.М. Институциональный дизайн земельных отношений в России в постперестроечный период // Экономическое возрождение России. 2013. Т. 35. № 1. С. 112–129.
- Сулейманов М.М. Институциональный и системный подходы к анализу российской модели налогового федерализма // Финансовая экономика. 2022. № 12. С. 149–152.
- Терин Д.Ф. «Запад» и «Восток» в институциональном подходе к цивилизации // Социологический журнал. 2001. № 4. С. 31–40.
- Титов В.О., Протасов А.Ю., Благих И.А., Малюшин И.И., Вацук А.Э. Прорывные технологии в истории отечественной экономической мысли: система оптимального функционирования экономики (СОФЭ) // Проблемы современной экономики. 2022. Т. 84. № 4. С. 196–200.
- Ткачук П.Ю. Моделирование структуры и содержания механизма государственно-частного партнерства по развитию предпринимательской деятельности на основе институциональных матриц // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2022. № 1. С. 110–114.
- Федоренко Н.П. О разработке системы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1968.
- Федоренко Н.П. Вопросы оптимального функционирования экономики. М.: Наука, 1980.
- Феномен возрастающей отдачи в экономике и политике / Под ред. С.Г. Кирдиной, В.И. Маевского. СПб.: Нестор-История, 2013.
- Хаберлер Г. Процветание и депрессия. Теоретический анализ циклических колебаний. Челябинск: Социум, 2016.
- Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам. М.: URSS: Ленанд, 2014.
- Хюльсман Г. Евро: новая песня на старый лад. Об эволюции денежной системы после выхода книги М. Ротбарда / Ротбард М. Государство и деньги: Как государство завладело денежной системой общества. Челябинск: Социум, 2003. С. 119–163.
- Цирель С.В. Еще раз о роли теории институциональных матриц // Социологические исследования. 2003. № 10. С. 144–148.
- Цой Л.Н. В поисках новых идей и зоны ближайшего развития социологии // СОЦИС. 2000. № 12. С. 128–129.
- Шульц Д.Н., Якутова И.Н. Необратимые процессы в экономике // Экономика и предпринимательство. 2015. Т. 60. № 7. С. 346–349.

- Элман М. Теория мировой системы. Доклад на IV Международной Кондратьевской конференции «Диалог и взаимодействие цивилизаций Востока и Запада: альтернативы на XXI век». Москва, 15–17 мая 2001. М.: ИЭ РАН, 2001.
- Эффективность государственных управленческих решений в условиях цифровизации / Отв. ред. С. М. Зубарев. М.: Проспект, 2023.
- Ядов В.А. Возможности совмещения теоретических парадигм в социологии // Социологический журнал. 2003. № 3. С. 5-20.
- Ясин Е.Г. Приживется ли демократия в России. М: Новое издательство, 2005.
- Acocella N., Bartolomeo G.D., Hughes Hallett, A.H.* The Theory of Economic Policy: From a Theory of Control to a Theory of Conflict (Resolutions). 2011. No. 91/11, Working Papers from Sapienza University of Rome, *Metodi e Modelli per l'Economia, il Territorio e la Finanza MEMOTEF*.
- Arrighi G.* The Long Twentieth Century: Money, Power And The Origins Of Our Times. London: Verso, 1994.
- Christiano L.J., Eichenbaum M.S, Trabandt M.* On DSGE Models. NBER Working Paper 24811. 2018, July. <http://www.nber.org/papers/w24811>
- Derleth J.* Russian New Generation Warfare: Detering and Winning the Tactical Fight // English Military Review. 2020. September-October. Pp. 82–94. <https://www.armyupress.army.mil/Portals/7/military-review/Archives/English/SO-20/Derleth-New-Generation-War-1.pdf>
- Durkheim É.* De La Division Du Travail Social. Paris: Félix Alcan, 1893.
- Dzvinchuk D.I., Petrenko V.P., Orlov M.S., Molodtsov O.V.* Three-dimensional model of the institutional matrix as a methodological tool for designing institutional changes // Revista Galega de Economía. 2020. Vol. 29. No. 1. Pp. 1–15.
- Ekstedt H.* Money in Economic Theory. New York: Routledge, 2014.
- Frank A.G.* ReORIENT: Global Economy in the Asian Age. Berkeley: University of California Press, 1998.
- Gaffard J.-L.* Instability, a Challenge for Economic Theory and Policy / Knowledge website of Skema Business School. July 27. 2001. <http://knowledge.skema.edu/instability-challenge-economic-theory-policy/> (accessed: 04.10/2022).
- Granovetter M.* Economic action and social structure: The problem of embeddedness // American Journal of Sociology. 1985. Vol. 91. No. 3. Pp. 481–510.
- Hansen B.* Lectures in Economic Theory: Part III: The Theory of Economic Policy. Cairo: United Arab Republic, Institute of Planning, 1963.

- Hayden G.F.* An evaluation of institutional matrices theory which was designed to illustrate differences between Russian and Western political economies // *Journal of Economic Issues*. 2017. Vol. 51. No. 2. Pp. 467–475.
- Hayek F.* *The Constitution of Liberty*. London: Routledge, 1960.
- Hayek F.* The future monetary unit of value. In: B. Siegel and L. Yeager (eds.). *Money in Crisis: Federal Reserve, the Economy, and Monetary Reform*. Cambridge, Massachusetts: Ballinger Publishing Company, 1985.
- Iwai K.* The Second End of Laissez-Faire: Bootstrapping Nature of Money and Inherent Instability of Capitalism. Faculty of Economics, University of Tokyo. Paper presented at the Interdisciplinary Workshop on Money, Berlin Free University, 25–28 June 2009.
- Keynes J.* *The General Theory of Employment, Interest, and Money*. Cambridge: Macmillan, Cambridge University Press, 1973 [1936].
- Kirdina-Chandler S.* Institutional matrices theory, or X-and Y-theory: A response to F. Gregory Hayden // *Journal of Economic Issues*. 2017. Vol. 51. No. 2. Pp. 476–485.
- Kirdina-Chandler S.G.* Western and non-Western economic. institutional models in time and geographical space // *Terra Economicus*. 2019. Vol. 17. No. 1. Pp. 8–23.
- Kirdina-Chandler S.* Money Circulation Mechanisms: Micro-Meso-Macro. Paper presented at AFEE/Virtual Annual Meeting ASSA, January, 3-5, 2021 https://www.aeaweb.org/conference/2021/preliminary/1835?q=eNqrVipOLS7OzM8LqSxIVbKqhnGVrJQMIWp1lBKLi_OTQRxDJR2lktSiXFwgG8hKSayEMEoyc1MhrLLM1HKQAUUFBUABUwOl2lpcMGGRG7o
- Kirdina-Chandler S., Kruglova M.* What Does “Society” and “State” Mean in Russia, China, India, and in The West: A multidisciplinary Cross-Country Analysis . Preprint. ResearchGate. 2023.
- Korinek A.* Thoughts on DSGE macroeconomics: matching the moment, but missing the point? 2017. “A Just Society” Conference Honoring Joseph Stiglitz’s 50 years of Teaching. SSRN / <https://ssrn.com/abstract=3022009>
- Lawrence M., Janzwood S., Homer-Dixon T.* What is a Global Polycrisis? And How is it Different from a Systemic Risk? Technical Paper #2022-4. 2022. Version Number 2.0. September 16.
- Lindé J.* DSGE models: still useful in policy analysis? // *Oxford Review of Economic Policy*. 2018. Vol. 34. No. 1–2. Spring–Summer. Pp. 269–286.
- Lucas R.* *Studies in Business Cycle Theory*. Cambridge, MA: MIT Press, 1981.
- Mann M.* *The Sources of Social Power*. Cambridge: Cambridge University Press, 1986.

- March J.G., Olsen J.P.* The new institutionalism: Organizational factors in political life // *American Political Science Review*. Wash., D.C., 1984. Vol. 78. No. 3. Pp. 734–749.
- Nenovsky N.* Money as a missing institution. Prompted by Luca Fantacci's Book on Money as a Missing Institution. 2007. https://www.academia.edu/59257561/On_Money_as_an_Institution_Prompted_by_Luca_Fantaccis_Book_on_Money_as_a_Missing_Institution_Fantacci_L_2005_La_moneta_Storia_di_uninstituzione_mancata_Biblioteca_Marsilio_Venezia_276_pp_
- Nenovsky N., Marinova T.* Some reflections inspired by Antonio Magliulo's book, *A History of European Economic Thought* // *Il Pensiero Economico Italiano*. Rivista semestrale. 2023. Gennaio-Giugno. Pp. 99–110.
- North D.C.* *Institutions, Institutional Change and Economic Performance*. Cambridge: Cambridge University Press, 1990.
- North D.C.* Five Propositions about Institutional Change. EconWPA, Economic History series. No. 9309001, 08 Sep. 1993.
- Nowakowski K.* The institutional matrices theory as the basis of explanation of real estate bubble // *Managerial Economics*. 2013. Vol. 14. Pp. 113–135.
- Qi X.* Intellectual entrepreneurs and the diffusion of ideas: Two historical cases of knowledge flow // *American Journal of Cultural Sociology*. 2013. Vol. 1. No. 3. Pp. 346–372.
- Piketty T.* *Capital and Ideology*. Cambridge MA: The Belknap Press of Harvard University Press, 2020.
- Polanyi K.* *The Great Transformation: Economic Ideas and Institutional Change in the Twentieth Century*. Foreword by Robert M. MacIver. New York: Farrar & Rinehart, 1944.
- Polanyi K.* *The Livelihood of Man*. New York: Academic Press, Inc., 1977.
- Popper K.R.* *Conjectures and Refutations. The Growth of Scientific Knowledge*. London and Henley: Routledge and Kegan Paul, 1972.
- Ricks M.* Money as infrastructure // *Columbia Business Law Review*. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 757–851.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.* *Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development*. NBER. Working Paper No. 9305, 2002.
- Rodrik D., Subramanian A., Trebbi F.* *Institutions Rule: The Primacy of Institutions Over Geography and Integration in Economic Development* // *Journal of Economic Growth*. 2004. Vol. 2. No. 9. Pp. 131–165.
- Sachs J.D.* *Institutions Don't Rule: Direct Effects of Geography on Per Capita Income*. NBER. Working Paper. No. 9490, 2003.

- Sandstrom G.* Instead of capitalism vs. socialism: a proportion-seeking review of two contemporary approaches in China and Russia // *Montenegrin Journal of Economics*. 2012. Vol. 8. No. 4. Pp. 43–60.
- Sinclair N.* Old generation warfare: the evolution – not revolution – of the Russian way of warfare. // *Military Review*. 2016. Vol. 96. No. 3. May–June. Pp. 8–15.
- Snyder H.* Literature review as a research methodology: An overview and guidelines // *Journal of Business Research*. 2019. No. 104. Pp. 333–339.
- Stiglitz J.E.* Where modern macroeconomics went wrong // *Oxford Review of Economic Policy*. 2018. Vol. 34. No. 1–2. Pp. 70–106.
- The World System: Five Hundred Years or Five Thousands?* / Frank A.G & Gills B.K. (eds.). London and New York: Routledge, 1998.
- Tinbergen J.* *Economic Policy: Principles and Design*. Amsterdam: North Holland Publishing Company, 1956.
- Veblen T.* Why is economics not an evolutionary science? // *Quarterly Journal of Economics*. 1898. Vol. 12. No. 3. July. Pp. 373–397.
- Wilson C.S., Tenopir C.* Local citation analysis, publishing and reading patterns: using multiple methods to evaluate faculty use of an academic library's research collection // *Journal of the American Society for Information Science and Technology*. 2008. Vol. 59. No. 9. Pp. 1393–1408.
- World System History. The Social Science of Long-Term Change* / Denmark R.F. et al. (eds.) London & New York: Routledge, 2000.
- Zweynert J.* Russian economic ideas since perestroika: between path dependence and paradigm shift // *The History of Economic Thought. Series: The History of Economic Thought in Transitional Countries*. 2008. Vol. 50. No. 1. Pp. 1–22.
- Zweynert J.* Conflicting patterns of thought in the Russian debate on transition: 2003–2007 // *Europe-Asia Studies*. 2010. Vol. 62. No. 4. Pp. 547–569.

Редакционно-издательский отдел:
Тел.: +7 (499) 129 0472
e-mail: print@inecon.ru
сайт: www.inecon.ru

Препринт

С.Г. Кирдина-Чэндлер

**ТЕОРИЯ ИНСТИТУЦИОНАЛЬНЫХ X- И Y-МАТРИЦ:
НОВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ И АКТУАЛЬНЫЕ ВЫЗОВЫ**

Оригинал-макет – *Валериус В.Е.*
Редактор – *Ерзнкян М.Д.*
Компьютерная верстка – *Хацко Н.А.*

Подписано в печать 13.11.2023 г.
Заказ № 19. Тираж 300. Объем 3,0 уч. изд. л.
Отпечатано в ИЭ РАН